

Константинова Алина



АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПАРАЛЛЕЛИ

НЕ СМОТРИ
НА МЕНЯ

18+

Алина Константинова
Не смотри на меня
Серия «Без гарантий», книга 1

<https://litres.ru/73905333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Луиза привыкла прятаться. За серыми свитерами — от насмешек однокурсника Логунова. За эльфийскими ушами и ролевыми играми — от одиночества и собственной «инаковости». Ведь она асексуальна, а значит, «сломана» и нуждается в лечении. Что происходит, когда перестаёшь прятаться? Начинается игра, месть или попытка понять своё тело? То, что было мстью, превращается в нечто иное — на грани ненависти и желания, которого по логике не должно быть.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

119

Алина Константинова

Не смотри на меня

Глава 1

Кабинет Анны Сергеевны находился в дальней части старого дома — в том крыле, куда редко заглядывали посторонние, и где даже самый настойчивый городской шум терял свою наглость. Возможно, именно эта отдалённость и тишина и составляли главную прелесть комнаты для человека, привыкшего выслушивать чужие тайны.

Стены были выкрашены в бледные, почти прозрачные тона, которые ни к чему не обязывали и никому не мешали, а свет, пробивавшийся сквозь голые ветви каштанов, ложился на пол сетчатыми узорами.

Луиза села в глубокое кресло напротив психолога. Её поза была безупречна — прямая спина, сложенные на коленях руки, — но пальцы слегка подрагивали, выдавая внутреннее напряжение. Луч солнца, пробившийся сквозь ветви, коснулся её длинных светлых волос — настойчивый, как чужой взгляд, который не просит разрешения. Она провела ладонью по волосам, словно отгоняя невидимую, но липкую нить, и в этом движении было что-то кошачье, испуганное: не то чтобы больно, но слишком личное, будто кто-то заглянул туда, куда она сама не заходит без стука.

Анна Сергеевна откинулась на спинку кресла, сложила руки домиком.

— Луиза, — спокойно произнесла Анна Сергеевна, и в этом «Луиза» было что-то успокаивающее. — Я вам напоминаю.

Она сделала паузу — не длинную, но достаточную, чтобы слова успели осесть.

— Это не болезнь. Не травма. — Она чуть подала корпус вперёд. — Это одна из вариаций человеческой сексуальности. Так же, как есть люди с высоким либидо, есть те, у кого оно умеренное... — Она развела руками, показывая эту плавную градацию, — а есть те, кто не испытывает сексуального влечения вовсе.

Она помолчала, глядя Луизе в глаза, и голос её стал чуть мягче, почти доверительным.

— Фокус должен быть не на «преодолении», — она выделила это слово лёгкой, почти незаметной усмешкой, — а на понимании себя. И создании комфортной жизни. В соответствии со своей идентичностью.

Луиза раздражённо помотала головой. Она всё уже это слышала — десятки раз. В груди закипала знакомая волна досады.

— Простите, — её голос прозвучал резче, чем она хотела, — но эти слова не помогают. Я не хочу слушать про «вариации» и «идентичность».

Она замолчала на мгновение, собираясь с мыслями, и

продолжила, глядя куда-то в сторону, будто разговаривая сама с собой:

— В четырнадцать лет начался период полового созревания, — голос Луизы стал тише, как будто она боялась, что стены услышат. — Мои одноклассницы тогда начали проявлять повышенный интерес к мальчикам... А мой мозг забил тревогу. «Почему мне не хочется больше времени проводить с парнями?»

Она опустила глаза на свои руки, сжатые на коленях. Потом подняла голову и посмотрела на Анну Сергеевну с застывшей вопросительностью:

— Может быть, я не такая, как все? — выдохнула она. — Из-за этого страха я и начала встречаться с мальчиками.

Анна Сергеевна не ответила сразу, ожидая продолжения, но Луиза молчала.

— То, что вы почувствовали тревогу, — совершенно естественно. В подростковом возрасте мы особенно чувствительны к тому, «как у всех», ищем подтверждения, что мы «нормальные».

Она сделала паузу, чуть приподняла бровь, как бы проверяя, доходит ли смысл.

— Но норма — это не единая линейка, а палитра. Вы испугались отличия — и попытались подстроиться.

— Я всегда любила романы и мне тоже хотелось испытать похожие сильные чувства. Но если я хотела — почему их не было? Разве так может быть?

— Конечно, может. — Анна Сергеевна чуть наклонила голову, давая понять, что вопрос Луизы не кажется ей странным. — Литература даёт нам карту чувств... — она сделала паузу, подбирая слово, — но не инструкцию к ним.

Она помолчала, глядя Луизе в глаза, и продолжила:

— Вы хотели испытать то, что переживают героини. Это естественное желание — прикоснуться к красоте, к глубине эмоций. — Она чуть приподняла бровь, будто подчёркивая важность этого «естественного желания». — Но важно заметить: романы описывают исключительные моменты, сгущённые до предела. А реальная жизнь... — она развела руками, словно показывая, что жизнь не умещается в одну линейку, — многомерна. И не состоит только из таких моментов.

Анна Сергеевна не спеша поправила ручку, лежавшую на столе, — маленькое, почти незаметное движение, которое позволило Луизе перевести дыхание.

— Исследования показывают, что примерно один процент людей на Земле — асексуалы. Романтические чувства и желание близости им не чужды. — Голос стал тише. — Но многие не осознают свою особенность. Или боятся открыться.. Это может вызывать чувство изоляции, неприятия. — Она вздохнула, и в этом вздохе слышалось: да, мир жесток, но мы здесь, чтобы с этим справиться.

Луиза слушала узорчатую речь психолога, как музыку. Не столько вникая в смысл, сколько упиваясь её архитектурой — изящной, строгой, где для каждого чувства нашлась своя

клетка, а для каждой боли — точный термин. Пока он звучал, она могла не проваливаться в вязкую трясину ощущений, а парить где-то сверху, «над». Она любила эти умные фразы не за истину — за то, что они служили ей пропуском в мир, где её понимали без лишних вопросов, где сложность была не пороком.

— Однако, — продолжила Анна Сергеевна, — если асексуальность принята самим человеком и его окружением, она может привести к очень глубоким эмоциональным связям. И к позитивному опыту отношений.

Она замолчала, оставляя Луизу наедине с этими словами.

— Да...мысль быть с кем-то меня не отталкивает...Но только не физически... Кто-то любит борщ, кто-то — лазанью, кто-то не ест грибы, а кто-то — мясо. У каждого свои предпочтения. Если человеку не нравится секс, то что в этом такого? Жизнь крайне разнообразна, и каждый находит занятия себе по духу. К примеру, у меня много кактусов, но я не считаю, что всем необходимо срочно заняться их разведением.

Анна Сергеевна слегка наклонила голову, и в уголках её губ мелькнуло что-то похожее на улыбку — не насмешку, а скорее интерес.

Пауза затянулась так туго, что Луиза услышала, как тишина давит на перепонки — особым давлением, которое бывает перед грозой, когда воздух становится твердым.

Анна Сергеевна любила, когда на сессиях возникала ти-

шина. Она давала клиенту возможность поискать ответы внутри себя. Не хвататься за первую пришедшую в голову мысль, а взглянуть на ситуацию с разных сторон и узнать о себе что-то новое.

Луиза коротко выдохнула — как перед прыжком, который никак не решаешься сделать. И добавила:

— Я легко могу завести отношения, — Луиза расправила плечи. — Я прекрасно осознаю, что красива. Мужчины обращают на меня внимание, — продолжила она уже тише, будто признаваясь в чём-то постыдном. — Знакомятся, приглашают на свидания. И я хожу. Вы знаете о всех моих встречах. Но... они либо требуют, либо обижаются. — Она перевела дыхание. — У меня были встречи и с девушками. Ничто... — она запнулась, подыскивая слово, — не принесло удовольствия. Она сказала это, и сама удивилась, как спокойно звучит голос. Раньше, внутри поднималась тошнота — такая, будто она проглотила ледяную воду на пустой желудок. Сейчас — ничего. Только усталость.

— Пытаясь выстраивать близкие отношения, примерно от каждого своего романтического партнера в разных вариациях я слышала фразу «да ты вообще больная, тебя надо лечить». Как это било по самооценке? Очень сильно. Словно кто-то брал молоток и бил по позвоночнику... Теперь я хожу на свидания только потому что тётки просят и «так надо».

— Вот как, — произнесла Анна Сергеевна с той особенной, чуть приподнятой интонацией, которая означала, что

она нашла в словах пациентки нечто достойное внимания. — Стало быть, для ваших тётушек соблюдение обычая превыше ваших собственных чувств?

— Получается, что так, — вздохнула Луиза. — Они искренне верят, что делают всё для моего блага.

— Асексуальные люди нередко сталкиваются с непониманием, осуждением или давлением со стороны семьи, партнёров или общества в целом. — отметила Анна Сергеевна.

— Да, — прошептала она. — Как будто я — ошибка в чьей-то идеальной картине мира.

Луиза перевела взгляд на окно, словно ища опоры. Поняв, что опоры не дождётся, сказала с неожиданной лёгкостью:

— На последнем свидании я разыграла роль Наташи Ростовской, — в голосе прозвучали непривычные, почти игривые нотки. — Было весело.

Анна Сергеевна слегка улыбнулась, уловив перемену в настроении клиентки.

— Наташи Ростовской? — переспросила она с искренним интересом. — Расскажите подробнее. Что именно вы делали?

Луиза чуть откинулась на спинку кресла, и на её губах заиграла озорная улыбка — в её глазах появилось что-то игривое.

— Я разыграла целую драму, — призналась она. — Сначала рассказала моему спутнику про Болконского — про нашу встречу в саду, про его трагическую смерть... Он слушал,

затаив дыхание, даже глаза увлажнились. Я чуть не рассмеялась прямо тогда, но сдержалась и перешла к Пьеру. Рассказала, как он нашёл меня спустя годы, как мы поженились, как строили новую жизнь...

Она не смогла сдержать короткий смешок.

— А потом, — Луиза сделала драматическую паузу и подмигнула, — я сказала: «И у нас родилось четверо детей»

Анна Сергеевна приподняла бровь, ожидая продолжения.

— И что же произошло? — уточнила она с улыбкой.

— Он сбежал, — Луиза расхохоталась в голос, откинувшись на спинку кресла. — Побледнел, пробормотал что-то про срочный звонок.

Она смеялась так заразительно, что психолог невольно улыбнулась, а потом и сама тихо рассмеялась. В смехе Луизы не было истерики — только чистое, почти детское удивление от того, что она может быть разной. И ещё — лёгкое презрение к тем, кто принимает её игру за правду.

— Признаюсь, мне было безумно весело! Я просто играла, фантазировала, импровизировала — и получала от этого удовольствие.

Анна Сергеевна чуть наклонила голову, сложив пальцы домиком — жест внимательный, почти исповедальный.

— То есть вы использовали эту игру не для того, чтобы понравиться ему, а чтобы развлечь себя? — уточнила она.

— Да. — Луиза еще смеялась. — Я уже была на других свиданиях, которые устроили тетушки, и Соней Мармелад-

вой — рассказывала душещипательную историю о тяжёлой судьбе и жертвенности. И Анной Карениной — с драматичным монологом про любовь, долг и поезд...

Психолог приподняла бровь, сдерживая улыбку:

— И как реагировали ваши собеседники?

— По-разному, — Луиза взмахнула рукой, её глаза искрились от воспоминаний. — С «Соней» один парень расплакался и предложил мне деньги. А с «Анной» вышло ещё забавнее: кавалер так проникся трагедией, что начал убеждать меня «бросить всё и уехать с ним на юг, подальше от этого кошмара».

Она снова рассмеялась, и в этом смехе было непосредственное удовольствие от воспоминаний.

— Каждый образ — это возможность проявить какую-то грань себя, — сказала Анна Сергеевна; голос её был ровным, но не сухим — в нём чувствовалось спокойное тепло, которое появляется у людей, много лет слушающих чужие истории.

— Более того, вы используете творчество как инструмент самопознания. Это говорит о вашей внутренней силе... и гибкости. Главное — не забывайте, что за каждым образом стоит настоящая Луиза. — Она чуть прищурилась, будто проверяя, доходит ли смысл. — Возможно, со временем вы найдёте способы проявлять эти грани себя и без «литературного посредничества». Уже напрямую. Оставаясь Луизой.

Анна Сергеевна сделала короткую паузу и добавила:

— Но пока этот метод явно приносит вам пользу: он снижает напряжение, дарит радость и помогает лучше понять собственные потребности.

Они замолчали. Луиза впервые за долгое время почувствовала, что её необычный способ взаимодействия с миром не только принят, но и понят по-настоящему.

— Вы знаете, давайте на сегодня закончим, я устала, — сказала Луиза и поднялась с кресла, слегка потянувшись, чтобы снять остаточное напряжение.

— Ваше право, — мягко ответила психолог, вставая следом. — Мы хорошо поработали сегодня. Увидимся на следующей неделе?

— Да, конечно, — Луиза улыбнулась, взяла сумочку и направилась к двери.

Глава 2

На улице она на секунду замерла — так замирает человек, наконец-то выбравшийся из душного зала заседаний. Походка сама собой перешла в лёгкое, почти танцующее скольжение.

Взгляд её скользил по витринам, по прохожим, по игре света и тени под ветками. Луиза впитывала всё это — не жадно, а спокойно, как впитывают запах мокрой листвы, асфальта или новой художественной краски.

Лёгкий ветерок подхватил её светлые волосы — густые,

блестящие, с деликатными «бликами». Причёска выглядела так, словно только что из салона: идеально уложенные волны ниспадали на плечи, обрамляя лицо. Ткань платья мягко облегла фигуру, подчёркивая стройность и грацию, но не стесняла движений.

В толпе Луиза невольно притягивала взгляды — не кричащей яркостью, а гармоничным сочетанием естественной красоты и внутреннего достоинства. Лицо точеное, с высокими скулами и чёткой линией подбородка. В ее чертах была какая-то намеренная, почти вызывающая мягкость. Глаза — цвета гречишного мёда, тёмные, горьковатые, в полумраке сгущались до черноты.

Луиза знала, что невероятно красива — не из-за чужих комплиментов, а потому что видела это сама в зеркалах, в том, как замирали разговоры, когда она входила в помещение.

Она пошла в сторону дома пешком: у её водителя — нанятого тётями — был выходной, а брать такси просто для короткой прогулки казалось нелепым.

Тёти не любили, когда она ходила одна. «Это неприлично», — говорила тётя Марина. «Мало ли что случится с такой девушкой в большом городе», — вторила ей тётя Рита. Но сегодня Луиза решила нарушить это негласное правило. Свобода — пусть даже в такой мелочи — отозвалась в груди сухим щелчком, будто внутри давно сжатая пружина наконец разжалась.

По дороге она зашла в небольшую пекарню с витриной, усыпанной золотистыми круассанами и хрустящими багетами. Аромат свежей выпечки — тёплый, масляный, живой — сделал воздух густым и добрым.

Луиза выбрала два круассана с миндальной начинкой и длинный хрустящий багет, завернутый в бумагу.

Свернула на улицу к площади, присела на тёплую мраморную ступень фонтана и, подставив лицо солнцу.

На скамейке неподалёку, расположилась группа парней. Они то и дело посматривали в её сторону — кто с восхищением, кто с любопытством. Луиза не обращала на них внимания: она привыкла к таким взглядам, но они никогда не вызвали в ней ни тщеславия, ни смущения. Просто как факт.

Луиза вдруг с гипнотической ясностью, почувствовала себя не выставленным напоказ экспонатом в витрине, а просто одним из этих спешащих, жующих — человеком, который просто наслаждается тёплым днём.

Это ощущение — лёгкое, невесомое, как пух, отличалось от того, что она испытывала в университете. Там, за его стенами, уже пять лет её жизнь отравлял один неприятный тип. Логунов. С первого курса он избрал её мишенью для своих насмешек — не потому, что она давала повод, а потому что, видимо, нуждался в постоянном упражнении остроумия.

Она старалась быть незаметной: серые свитера, стёртые джинсы, взгляд в пол. Но он, как детектор, улавливал её присутствие даже в толпе и, ощерясь, отпускал колкость, от ко-

торой хотелось провалиться в канаву... Но в этом году предстоял выпуск, так что скоро ей больше не придётся терпеть его ядовитое присутствие.

Её задумчивое уединение было нарушено. К группе парней, которые до этого украдкой поглядывали на Луизу, подошли две девушки. Та, что шла впереди — высокая, с ярко-рыжими волосами и вызывающе подведёнными глазами, — мгновенно оценила ситуацию. Её кавалеры смотрели не на неё, а на блондинку у фонтана. Этого оказалось достаточно, чтобы в ней вскипела та особенная, мгновенная ненависть, которую одна женщина способна почувствовать к другой за одну секунду.

Она окинула Луизу презрительным взглядом и прошипела достаточно громко, чтобы та услышала:

— Деланная кукла.

Парни неловко переглянулись.

Уголок губ Луизы дрогнул в усмешке. «Как скучны эти шаблонные оскорбления. Логунов, по крайней мере, бывает остроумен». Сколько раз она слышала эту фразу. Они не задевали ее так, чтобы сильно, но иногда хотелось поставить таких людей на место. Луиза уже знала, как их проучить.

Она достала из сумки багет с нарочитой неспешностью. Поднесла его к губам и с преувеличенным наслаждением откусила кусок — громко, вызывающе, с демонстративным хрустом. Хруст разнёсся по площади как выстрел из старто-

вого пистолета.

— Ммм, божественно, — протянула она, облизнув губы. Хлеб был удивительно свежим — с хрустящей корочкой и мягким, воздушным мякишем. Луиза жевала медленно, прикрыв глаза, и в этом жевании было что-то от ритуального жертвоприношения — только жертвой был не хлеб, а чужие приличия.

Боковым зрением она уловила, как парни застыли в нелепых позах — один, так и не донёс руку с телефоном до уха, другой замер с поднятым стаканчиком кофе. Девушки стояли, словно окаменев: рыжеволосая побледнела, её подруга нервно теребила ремешок сумки, избегая смотреть в сторону Луизы.

Луиза усмехнулась, зная, какой эффект она произвела, затем встала.

Она пошла так, будто под ногами у неё была не мостовая, а красная дорожка в Каннах, и каждый шаг снимали десятки камер. Только камер не было. Были только глаза — чужие, голодные, растерянные.

Глава 3

Шокировать мужчин — её личный жанр, почти сценическое искусство. Она знала больше способов привести их в замешательство, чем фокусник — трюков перед большим турне. Каждый жест выверен, каждая пауза отработана.

Луиза уже рассказывала Анне Сергеевне что на свиданиях, когда становилось скучно (а это случалось примерно через семь минут после начала, особенно если собеседник начинал рассказывать про свой новый фитнес-трекер), она запускала свой любимый трюк: рассказывала молодым людям «свою» биографию с литературным уклоном. Выбирала персонажа известного произведения и вживалась в роль так, что Станиславский бы аплодировал стоя.

Наташа Ростова оставалась пока её любимым персонажем. В памяти всплыло последнее такое свидание — с парнем по имени Олег в модном кафе, где кофе стоил как месячный запас макарон, а официанты двигались так бесшумно, будто боялись спугнуть чужие деньги.

Луиза словно снова ощутила аромат капучино — густой, с горьковатой ноткой обожжённых зёрен — и увидела перед собой растерянное лицо собеседника. Свет в том кафе падал сверху, как в операционной, и Олег в этом свете казался пациентом, который ещё не знает своего диагноза.

«*Я родилась в Москве...*» — прозвучал в памяти её собственный голос, полный наивного восторга. — «...с детства меня окружали любовь, музыка, смех и тепло нашего дома. И ещё — огромное количество слуг, которые постоянно пытались заставить меня вести себя прилично. Но куда там! Я была живой, черноглазой девочкой, не всегда красивой (особенно когда объедалась пирожными и выглядела как булочка с изюмом), но всегда — полной жизни. Мне нравилось

петь (хотя соседи за стеной иногда стучали по батарее), танцевать, мечтать и влюбляться — причём сразу во всех симпатичных офицеров.

Луиза произнесла это с таким видом, будто признавалась в любви к мороженому: легко, беззаботно, с полным отсутствием стыда.

— Во всех? — переспросил Олег, и его брови поползли вверх.

— А вы представьте, сколько их было! — Луиза мечтательно закатила глаза. — Сначала моё сердце принадлежало Борису. Он был такой серьёзный, в мундире, с усами... Но потом в моей жизни появились другие люди, которые изменили всё. Пьер стал для меня близким другом — он постоянно угощал меня конфетами и рассказывал какие-то запутанные философские истории, от которых у меня кружилась голова (но не так сильно, как от вальса). А Андрей... — Луиза закатила глаза и продолжила:

— О, это была настоящая любовь! Высокий, мрачный, с таким взглядом, будто он знает все тайны Вселенной. Я была готова выйти за него замуж, представляла уже, какие кружева будут на моём платье...»

Собеседник нервно сглотнул.

Луиза подавила улыбку и продолжила, вкладывая в голос максимум драматизма:

— Но судьба распорядилась иначе. Я поддалась обману Анатоля — он был такой красивый, с улыбкой, от которой

таяли даже ледяные скульптуры на зимнем балу.

— Обману? — тупо выдохнул Олег.

— Это чуть не погубило меня. После этого я долго не могла простить себе свою ошибку, сидела в своей комнате, ела шоколад (много шоколада) и думала о смысле жизни. Но именно через боль и страдания (и ещё через пару новых платьев) я научилась понимать других и себя.

Когда она дошла до сцены с раненым князем Андреем, молодой человек уже забыл про круассан — тот сиротливо лежал на тарелке, наполовину надкушенный. Луиза понизила голос до трагического шёпота:

— Андрей ушёл добровольцем на фронт, и там он был тяжело ранен и вскоре умер у меня на руках. Эта утрата стала для меня огромным горем... и поводом для того, чтобы наконец научиться плакать красиво — без размазавшейся туши.

Потом она резко сменила тон на жизнерадостный:

— Со временем я сблизилась с Пьером. Мы с Пьером поженились, у нас родились дети. Теперь моя жизнь — это семья, забота о близких, любовь и тепло домашнего очага. И ещё куча нянь, потому что воспитывать четверых детей и при этом сохранять причёску — задача не из лёгких. Я поняла, что счастье — не в блеске балов и не в громких признаниях (хотя они, конечно, приятны), а в простых, искренних чувствах и в том, чтобы быть нужной тем, кого любишь. Ну и ещё в том, чтобы вовремя заказывать новые платья!

Она закончила рассказ, сделала глоток кофе и посмотрела на собеседника глазами, в которых невинность боролась с ехидством — и победило второе. Тот сидел с открытым ртом, держа в руке наполовину съеденный круассан, который, кажется, забыл доесть ещё на моменте про Анатоля.

Молодой человек наконец пришёл в себя, прокашлялся и осторожно уточнил:

— Так... вы сказали, у вас с Пьером родились дети?

— Да, — лучезарно улыбнулась Луиза. — Четверо.

Он моргнул. Потом ещё раз. Круассан выпал из его руки прямо на идеально отглаженные брюки.

— Ч-четверо? — переспросил он, словно услышал что-то на инопланетном языке.

— Четверо, — подтвердила Луиза. — Старшая — Марья, ей уже восемь.

Луиза поправила манжету — жест спокойный, почти скупающий, будто она только что сообщила не о четырёх детях, а о том, что на улице хорошая погода. Внутри же всё трепетало от удовольствия: она знала, что сейчас будет.

Наступила долгая пауза. Молодой человек медленно положил салфетку на стол, глубоко вдохнул и выдавил:

— Это... очень мило.

— Правда? — обрадовалась Луиза. — Я так рада, что вы оценили!

— Э-э... я... мне, пожалуй, нужно... проверить сообщения, — пробормотал он, доставая телефон дрожащей рукой.

— Очень важная переписка... с... с бухгалтером. Да. Срочно. У него там... кризис квартальной отчётности. Внезапный.

Его силуэт растворился в толпе, оставив после себя лишь недопитый латте и чувство лёгкой брезгливости.

Так заканчивалось большинство её свиданий. Луиза весело усмехнулась, вспоминая последнего несчастного. В голове ещё звучал этот запинаящийся голос, и она невольно улыбнулась шире. «Бедняга, — подумала она. — Зато теперь я точно знаю: он не из тех, кто готов к сюрпризам. И, пожалуй, это к лучшему».

Она дошла до дома и поднялась на лифте на девятый этаж. Кабина плавно остановилась, двери разъехались со вздохом, похожим на прощание. Луиза шагнула в коридор — тихий, с ковровой дорожкой, которая глушила шаги, и приглушённым светом настенных светильников. Здесь всё было устроено так, чтобы никто никому не мешал. Даже тишина здесь была платной.

Квартира находилась в апартаментах, специально построенных для обеспеченных студентов — своего рода «общага для богатых», как Луиза его называла. Тётушки не пожалели средств: купили квартиру в десяти минутах ходьбы от университета, с видом на водохранилище и парк. Из панорамных окон открывалась картина, будто сошедшая с открытки: спокойная вода, отливающая серебром в лучах закатного солнца, полоса деревьев вдоль берега и лёгкие облака, за-

стывшие над горизонтом.

Поодаль, словно насмешка над этой роскошью, стояли обычные общежития — серые, тесные, с распахнутыми на проветривание окнами.

Она открыла дверь — и тут же в ноги бросился Коричка, её коричневый шпиц. Она радостно тьякнула, закружилась вокруг себя три раза, потом встала на задние лапки и уставилась на хозяйку влажными карими глазами: «Где лакомство? Где поглаживания?»

— Знаю, знаю, — рассмеялась Луиза. — Сейчас всё будет.

Она присела на корточки, почесала пушистую подружку за ухом, а та в ответ лизнула её в нос.

Квартира была стильная, в духе современных минималистичных проектов, которые Луиза обожала: кухня-гостиная — открытая планировка, светлые фасады, много естественного света, столешница из натурального камня с едва заметным мраморным узором; спальня — за раздвижной дверью с матовыми стеклянными панелями, с большим окном от пола до потолка; несколько её эскизов висели на стене, небольшой стеллаж с книгами по архитектуре и фэнтези-романами, плетёная корзина для Корички в углу возле дивана.

Она вспомнила, что завтра понедельник. Нужно в университет. А там этот противный тип, который отравляет ей жизнь, — Логунов.

Луиза невольно поморщилась, будто откусила лимон вместе с кожурой — и сразу пожалела. Одно только имя вызы-

вало в памяти его насмешливую улыбку, чуть приподнятую бровь и взгляд, которым он смотрел на неё сверху вниз, даже когда сидел. Взгляд человека, который уже всё решил за тебя, пока ты только открываешь рот.

Глава 4

Луизу разбудил мягкий стук в дверь — это дядя Коля пришёл напомнить, что машина подана. Она бросила взгляд на будильник: 7:15. Ровно столько, чтобы успеть выпить чашку кофе и собраться.

Она накинула халат и открыла дверь. Дядя Коля стоял на пороге со стаканом кофе из кофейни внизу — он знал, что без этого напитка Луиза утром похожа на сонного котёнка, который пытается понять, где верх, а где низ.

— Доброе утро, Луша, — его голос звучал так же ровно, как и десять лет назад, когда он впервые появился в её жизни. — Машина прогрета, погода отличная.

Луиза улыбнулась. Водитель Николай Николаевич — или попросту дядя Коля, ее всегда так называл, и ей это нравилось больше, чем Луиза. Дядя Коля возил её с тринадцати лет — уже целое десятилетие. И всё из-за истории с бароном.

Тётушки наняли ей водителя и охранника в одном лице после того, как Луиза в тринадцать лет посмела заявить, что выйдет замуж за цыганского барона.

Этому предшествовало появление по соседству цыган-

ской семьи — шумной, молодой. Главой её был парень по имени Раду, которого все звали бароном. Луиза тогда находилась в том возрасте, когда любое мужское лицо кажется загадкой. Каждый его выход во двор отдавался в её груди странным толчком — не большим, а скорее похожим на первую попытку взлететь: сердце замирает, а потом понимаешь, что ты всё ещё на земле. Впрочем, возможно, это была просто игра воображения, желание не отставать от сверстниц: «у всех есть мальчики, и у меня должен быть».

«Странно, — вспоминала Луиза. — Я тогда была уверена, что это — влюблённость. А сейчас... сейчас я понимаю, что просто любовалась им, как героем книжки».

Она часами могла стоять у забора, делая вид, что просто смотрит на облака, а на самом деле — ждала, когда он появится во дворе. Раду замечал её, иногда подмигивал, иногда бросал пару шуточных фраз.

Однажды за ужином Луиза, не выдержав, выпалила:

— Я выйду за него замуж! Он самый красивый и смелый!

Тётя Марина замерла с вилкой в руке. Её глаза округлились так, будто Луиза только что объявила о намерении стать космонавтом и улететь на Марс прямо из-за стола.

— Луиза, дорогая... Ты случайно не перегрелась? — осторожно спросила она, промокая лоб салфеткой, хотя пота не было — просто растерянность требовала жеста. — Или это новый вид подросткового бунта? «Я выйду замуж за барона» звучит почти как «я перекрашу волосы в зелёный и уеду с

цирком».

— Вы не понимаете! — Луиза надула губы и упрямо трянула головой. — Это навсегда!

С этого дня жизнь Луизы изменилась. Её больше не отпускали гулять одну. Теперь рядом всегда был водитель дядя Коля — молчаливый, серьёзный мужчина с седыми висками. Он провожал её до школы и встречал после занятий, терпеливо ждал у дверей кружков и секций, даже в гости к подругам она теперь ходила только под этим ненавязчивым, но неусыпным конвоем.

Все закончилось тем, что через год Раду женился на другой — высокой, статной цыганке. Луизу пригласили даже на свадьбу, но тетки её не пустили. Куда они переехали позже, Луиза не знала. Теперь, спустя годы, она всё так же улыбалась, вспоминая эту историю.

Луиза росла непослушной и в её детстве были и другие истории, не такие смешные. Она могла закатить истерику в магазине, отказаться есть, сбежать с прогулки. Тётушки, выбиваясь из сил, часто прибегали к одному и тому же аргументу:

— Будешь шалить — сдадим в детский дом.

Она боялась. Боялась с особенной, въедливой силой, с какой дети боятся темноты. Перед глазами вставало: стены, по которым слёзы оставляли потёки; воспитательницы с лицами, стёртыми до одинаковой усталости; и ни одной игрушки, разве что плюшевый заяц или медведь с оторванным ухом. И

тогда Луиза, поджав губы, натягивала на себя образ паиньки — так, когда другого выхода нет.

Но однажды она сделала что-то особенно вредное — то ли разбила любимую вазу тёти Риты, то ли наотрез отказалась идти в школу, закатив такую истерику, что перебудила весь дом. Стёкла в гостиной дрожали, а тётя Марина схватилась за сердце. Тётушки переглянулись и решили: хватит пустых угроз.

У тёти Риты была знакомая — заведующая детским домом. Они договорились, и на следующее утро Луизу отвезли туда. «На один день, — решили тётушки. — Чтобы поняла, как там страшно».

Но Луиза не испугалась. В детском доме оказалось... нормально. Никто не одёргивал, не спрашивал, выучила ли она уроки, не заставлял есть ненавистную кашу. К обеду она уже подружилась с девочкой в синем платье и забыла, зачем её сюда привезли.

Когда вечером тётушки пришли забирать её, Луиза спряталась за спину воспитательницы и твёрдо сказала:

— Не поеду. Здесь хорошо.

Тётя Рита побледнела. Тётя Марина заплакала. Они уговаривали её — мороженым, куклой, обещали больше никогда не наказывать. Луиза стояла на своём почти час.

В конце концов её выманили хитростью – пришлось пообещать никогда не варить кашу. С тех пор тётушки больше никогда не угрожали ей детским домом.

Луиза вышла из машины у главного корпуса, поблагодарила дядю Колю и направилась ко входу. Одевалась она сюда всегда очень скромно — почти блёкло, будто специально прятала свою индивидуальность и живой блеск глаз за серыми свитерами и тёмными юбками. В университете — другая сцена. «Так проще, — думала она. — Меньше внимания. Меньше поводов для насмешек со стороны Логунова». Так серые свитера стали её университетской униформой — скучной, безопасной, как маскировочный халат, под которым можно было делать вид, что тебя не существует.

Глава 5

Университетский корпус жил своей обычной студенческой жизнью: кто-то торопился на лекцию, кто-то смеялся у лавочки, кто-то листал конспекты на ходу. У входа в аудиторию Луизу уже ждали подруги: рыжая Оля с глазами, которые всегда готовы рассмеяться и тихая Маша, аккуратная и собранная.

Они подружились на первом курсе случайно — оказались в одной группе, распределение, алфавит, везение или невезение. Луиза тогда носила очки и жутко стеснялась. Оля была шумной, вечно с блокнотом для записей, которые не имели отношения к архитектуре. Маша была тихой, в сером свитере, которую никто не замечал ровно до тех пор, пока она не открывала рот.

Они не планировали дружить. Просто однажды Луизе понадобилось, чтобы кто-то держал штатив для чертежей, а Оля и Маша оказались рядом. Потом — совместный поход в столовую, потом — обсуждение преподавателей за кофе, потом — первая ночь перед сдачей проекта, когда они пили кофе в общаге и спорили, у кого хуже с чувством пропорций.

Луиза оказалась не стервой, а человеком, который прикрывает свои страхи различными способами. Оля — не просто болтушкой, а той, кто умеет слушать и никогда не перебивает. Маша — не колючкой, а человеком глубоким и порядочным.

Они не выбирали друг друга, но к концу первого курса они знали друг о друге всё. Просто оказались вместе в тот момент, когда каждая из них была слишком занята своей проблемой, чтобы кого-то отталкивать.

Оля была из тех девушек, которых не замечают при первом взгляде. Её красота не кричала, не требовала немедленного внимания, несмотря на рыжие волосы. Они были не медно-огненные, как у героинь старых романов, а мягкие, приглушённые, с оттенком выгоревшего на солнце каштана. Они вились от природы, но не тугими кудрями, а ленивыми, чуть небрежными волнами. Лицо её было неправильным — слишком широкие скулы, чуть вздёрнутый нос, губы, которые казались капризными, когда она улыбалась. Глаза — серые, с зеленоватым отливом.

— Луизка! — Оля обняла её за плечи, встряхнула игриво,

отчего рыжие кудри разлетелись в стороны. Объятие у Оли было такое, будто она собиралась задушить тебя от любви — и ты был не против.

— Ну что, готова к очередной порции академической мудрости?

Маша не любила лишние телесные прикосновения, поэтому просто ограничилась словесным приветствием. Она стояла чуть поодаль, как человек, который уважает чужие границы, потому что свои у неё — из бетона. В ней не было той мягкой женственности, что притягивает взгляды. Но была хрупкость. Она не носила каблуки, не красила ресницы, не умела кокетничать. Не изумрудные, не яркие глаза, были «болотными»: серо-зелёные, с тёмными крапинками. Нос с лёгкой горбинкой. Русые волосы были без намёка на рыжину или пепел, какие-то стертые, сероватые. Она не красила их, не укладывала, почти не расчёсывала — хватит и того, что связаны в низкий пучок или небрежный хвост.

Подруги зашли в аудиторию и сели рядом у окна. Когда-то их дружная четвёрка превратилась в троицу. С ними дружила раньше Аня, но теперь она их избегала. Луиза так и не знала почему. Луиза вздохнула. Она уважала право человека на дистанцию. Сама умела отпускать — не цепляться, не навязывать свою дружбу тем, кому она не нужна. Но всё же где-то внутри саднило: хотелось, чтобы Аня хотя бы объяснила. Просто сказала пару фраз — и всё стало бы понятнее. Взгляд Луизы невольно скользнул к пустому месту рядом с

Машей. Там обычно сидела Аня — с блокнотом для зарисовок, в своей любимой клетчатой рубашке. Теперь это место было свободно, как и её сердце — будто часть чего-то важного оттуда вынули.

Через пару минут в дверях показалась компания Логунова. Он вошёл, как всегда, чуть позже остальных — с ленивой улыбкой человека, который знает, что его всё равно будут ждать. Чёрные волосы, чёрная душа, чёрная тень от ресниц на скулах. Луиза подумала: «Интересно, он когда-нибудь двигается быстро? Или вся его жизнь — это замедленная съёмка собственного величия?»

Профессор Сергей Васильевич постучал указкой по кафедре:

— Итак, начинаем. Тема — средневековая архитектура. Кто может назвать три главных отличия готического собора от романского?

Луиза подняла руку с энтузиазмом, будто ждала этого вопроса всю неделю:

— Готика — это стрельчатые арки, витражные окна и каркасная система! Всё просто: выше, легче и красивее.

Профессор кивнул:

— Отлично, Луиза... — он сделал паузу, растягивая её имя так, что оно прозвучало нелепо и чуть ли не смешно.

Луиза внутренне поморщилась, будто проглотила что-то слишком горячее — и сразу поняла, что обожглась. Имя, которое она и так не любила, в его устах звучало как насмешка:

«Лу-и-и-за-а-а» — растянутое, слащавое, будто он пробовал его на вкус и сплёвывал.

Но тети рассказывали, что мама выбрала его не случайно. «Она хотела, чтобы ты была сильной, — говорили они. — Луиза — это «славная в бою». А еще ее мама любила «Маленьких женщин». Говорила, что Луиза Мэй Олкотт — её любимый писатель. Вот и решила, что если будет дочь — назовёт в честь писательницы.

Но сейчас она чувствовала себя не героиней, а мишенью. — Но... кто-то хочет добавить?

Логунов откинулся на стуле, лениво поднял руку:

— Позвольте внести ясность. Луиза описала готику как «модный лук» для собора. Но без нервюрного свода и контрфорсов. А свет... В отличие от романики, в готике свет — это главный герой. Хотя, конечно, не всем дано оценить разницу между архитектурой и... декором для торта.

Смех в аудитории рассыпался, как горох по кафельному полу: звонко, дробно, каждая горошина отдельно. Луиза почувствовала, как щёки заливаются краской.

Оля молча сжала её пальцы: мол, держись, подруга. Маша нахмурилась, перевела взгляд с Логунова на Луизу, и в этом взгляде было: «Я с тобой». Подруги всегда были на её стороне, хотя Маша, Луиза это точно знала, была влюблена в Логунова. «Бедная Маша, — мелькнуло в голове. — «Влюбиться в человека, который сравнивает соборы с тортами... Это как покупать картину у художника, который не различа-

ет цвета».

Внутри всё ещё кипело, но она заставила плечи опуститься — не расслабленно, а как усталый солдат после команды «вольно».

Профессор постучал указкой:

— Открываем тетради, записываем основные черты готического стиля...

Максим был собою доволен — насколько вообще может быть доволен человек, чьё удовлетворение собой давно уже стало привычкой. Он бросил короткий взгляд на Луизу — та как раз послушно раскрывала тетрадь, старательно избегая встречаться с ним глазами. «Ну конечно, — подумал он с лёгкой досадой. — Опять делает вид, что меня не существует. Как будто я — пустое место». Он терпеть не мог эту выскочку с дурацким именем. Луиза. Звучит так, будто её родители решили назвать дочку в честь какой-нибудь старого романа. «Лу-и-и-за-а-а», — мысленно передразнил он интонацию профессора. Холодная, высокомерная, зазнайка. Всегда такая правильная, такая безупречная. Думает, что она дворянка какая-то. Ездит с водителем — наверняка личный шофёр каждое утро подаёт ей пальто. Носит дурацкую серую одежду, будто специально хочет слиться с фоном. А еще она очень похожа на его мамашу, которая сбежала очень давно. Та тоже всегда держалась отстранённо. Правда, очки Луиза носила когда-то, а потом перестала. Но это, как он решил про себя, не имело значения.

Эта мелкая стычка осталась единственной трещиной в ровном течении дня. После лекций студенты потянулись к выходу. Луиза торопливо шла следом за Олей и Машей.

— Пойдём пить кофе? — спросила Оля, подпрыгивая на ходу от нетерпения. — Это же наша традиция после понедельничных лекций!

— Только если ты не будешь опять заказывать какой-нибудь «двойной карамельно-тыквенный латте с корицей и щепоткой волшебства», — фыркнула Маша, поправляя папку с чертежами. — Я всё ещё не простила тебе тот раз, когда ты заставила меня это попробовать.

— Эй! — Оля возмущённо ткнула подругу локтем. — Это был кулинарный прорыв! Просто ты консерватор.

К стойке они подошли втроём.

— Три кофе, — объявила Оля. — И три шоколадных пирожных. Женщина должна себя баловать, — пояснила она, заметив вопросительный взгляд Луизы. — Утешительный приз. За то, что миримся с этим несовершенным миром. Он как плохо отглаженная рубашка: всегда найдётся складка, которую утюг не берёт.

— Пойдём сегодня на вечер латиноамериканских танцев? — предложила Оля, помешивая ложечкой кофе. Глаза её горели предвкушением. — Там будет живая музыка, пара профессиональных танцоров приедет показать пару движений!

Луиза смотрела, как растворяются в воздухе последние завитки пара.

— Я не могу, — ответила она тихо. — Сегодня нужно к тётушкам. Я не могу им отказать. Я и так не приехала на выходные.

— Опять тётушки? — нахмурилась Оля. — Луиза, тебе уже двадцать три, а не двенадцать. Ты не обязана мчаться к ним по первому звонку.

Маша осторожно положила руку на плечо Луизы:

— Скажешь тётям, что заскочила на минутку проведать, а потом — на танцы. Может, хотя бы ненадолго? Часа на два?

Луиза покачала головой:

— Не получится. Если я появлюсь, меня сразу усадят за стол, начнут расспрашивать про учёбу, про будущее, про то, когда я наконец смогу «найти достойного молодого человека». А потом обязательно вспомнят, что я пропускаю семейные ужины, и начнётся... — она вздохнула. — В общем, от туда просто так не вырваться.

Оля откинулась на спинку стула и скрестила руки:

— Но это же несправедливо! Ты вечно куда-то должна, кому-то что-то обязана.

Луиза помолчала, задумчиво проводя пальцем по краю чашки.

— Наверное... Но они меня вырастили. Им кажется, что, если они не будут контролировать каждый мой шаг, я сделаю ошибок.

Оля фыркнула:

— Подумай, там будет жарко, музыка, ритм — вот где на-

стоящая жизнь!

— Только больше никаких знакомств с татуированными парнями или байкерами, Луиза, — строго сказала Маша, скрестив руки на груди. — Ничего хорошего в прошлом парне не было.

— У него был пирсинг в языке, — парировала Луиза с лёгкой усмешкой, — значит, что-то хорошее в нём всё-таки было.

Оля рассмеялась, а Маша слабо улыбнулась.

Луиза подмигнула Оле, потом снова повернулась к Маше и добавила с напускной серьёзностью:

— Жизнь слишком коротка, чтобы отказываться от интересных деталей. Но не волнуйся, Маша, я больше не буду ходить на свидания и иметь дело с парнями.

Подруги удивлённо уставились на неё.

— Что? — Маша первой нарушила молчание, её брови взлетели вверх. — Совсем? Ни с кем? Даже с симпатичным?

— Даже с очень симпатичным, — Луиза невозмутимо отпила кофе. — И с татуировками, и без. Никаких парней. Точка.

«Не стоит им посвящать в мою проблему, — подумала она, глядя на озабоченные лица подруг. — Они не поймут. Или, что ещё хуже, попытаются «помочь».

— Непривычно, — сказала Оля, слегка наклонив голову и изучающе глядя на Луизу. — Ты всегда была такой... открытой к приключениям. До сих пор не могу понять, зачем

ты так одеваешься в универ, как бабушка.

Она говорила это с сожалением человека, который видит бриллиант, заправленный в мешковину.

— Я — Женщина, и, значит, Я — Актриса. Во мне сто лиц и тысяча ролей¹, — процитировала она.

Маша удивлённо приподняла бровь:

— Ого. Это что, намёк?

— Никакой не намёк, — Луиза пожала плечами, но в глазах мелькнула тень чего-то неуловимого.

— То есть ты не «завязала с парнями», а просто сменила ампула? — Маша прищурилась, явно что-то подозревая.

— Скажем так, — Луиза понизила голос и заговорщицки подмигнула, — я взяла творческий отпуск. Никаких романтических ролей в ближайшее время. Только камео и эпизодические появления.

— Камео? — Оля склонила голову набок. — Это что ещё за зверь?

— Это когда появляешься на пять минут, произносишь эффектную фразу и уходишь в закат, — пояснила Луиза с серьёзным видом.

Подруги засмеялись.

— Это ты про свидание, когда ты вообразила себя Наташей Ростовской? — спросила Оля.

— Или про свидание в роли Анны Карениной? — подхватила Маша, едва сдерживая смех.

¹ Цитата из стихотворения «Я женщина...» Сильвы Капутикян.

— Бедный парень начал молиться! — добавила Оля.

— Заставлять напуганных мужчин молиться, — хмыкнула Оля, — это талант!

— Аминь, — Луиза театрально подняла руки к небу, а потом расхохоталась вместе с подругами.

— Ладно, — Маша вытерла выступившие от смеха слёзы, — признаю, было эпично.

— Тебе нужно было поступать в театральный, — сказала Оля, покачивая головой. — С таким талантом к перевоплощению ты бы уже блистала на сцене.

— Или в цирке, — подхватила Луиза, подмигивая. — Номер «Девушка, которая успевает сменить три образа за одно свидание».

Подруги снова прыснули со смеху.

— Нет, серьёзно, — Маша наклонилась вперёд, опираясь локтями на стол. — Ты правда никогда не думала о сцене? У тебя же это в крови — играть, импровизировать, держать аудиторию.

Луиза на мгновение задумалась, потом покачала головой:

— Однажды думала. В школе даже играла в спектакле — была деревом.

— Деревом? — Оля удивлённо подняла брови. — И что, без слов?

— Без слов, — подтвердила Луиза. — Моя роль заключалась в том, чтобы стоять и шевелить ветками, когда дует ветер. Режиссёр сказал, что у меня отлично получается изоб-

ражать статичность.

Подруги снова засмеялись. «А ведь они правы, — подумала Луиза. — В школе я правда хотела на сцену. Тётушки тогда сказали: несерьёзно. И я послушалась».

— Идеальная роль и вечная востребованность, — добавила Оля. — В каждом спектакле нужен лес. Или хотя бы одинокий дуб.

Все трое снова расхохотались, и Луиза вдруг почувствовала, что старая мечта, спрятанная где-то глубоко, всё ещё теплится внутри — пусть и с долей шутки.

«Мы не всегда становимся теми, кем мечтали, — подумала она. — Но, может, дело не в профессии, а в том, чтобы не потерять себя? Не забыть, что где-то внутри всё ещё живёт тот самый ребёнок — который верил, что может сыграть любую роль».

Глава 6

Утро началось прекрасно — весеннее солнце заливало улицы золотистым светом, в воздухе пахло свежей зеленью и чем-то неуловимо радостным, как в день, когда ты проснулся первым и весь мир ещё не успел испортиться. Луиза вдохнула полной грудью — лёгкие наполнились теплом и обещанием. Настроение было хорошим. Ровно до того момента, как она переступила порог аудитории. Там, внутри, воздух был другим: спёртым, пропитанным чужим волнением и пылью

с доски. Хорошее утро кончилось.

Семинар по истории искусств шёл своим чередом. Профессор Игнатьев, как всегда, задавал капканные вопросы, аудитория напряжённо молчала, а потом кто-то неуверенно отвечал.

— Луиза, — обратился к ней профессор, — расскажите о влиянии античности на творчество Рафаэля.

Она встала, собрала мысли:

— Рафаэль, как и другие мастера Высокого Возрождения, изучал античные образцы. Его «Афинская школа» буквально пронизана отсылками к античной философии и архитектуре. Он стремился к гармонии, идеалу, который видел в статуях Древней Греции...

— И, похоже, Луиза тоже стремится к идеалу, — раздался голос Максима. Он откинулся на стуле, с улыбкой глядя на неё. — Только вот беда: античные статуи были мраморными и молчаливыми. А Луиза, увы, иногда говорит. И это нарушает гармонию.

Смех ударил в спину Луизы, как горстка мелких камешков — не больно, но унизительно. Кто-то хлопнул ладонью по столу, кто-то уткнулся в тетрадь, чтобы скрыть улыбку. Луиза отвернулась к окну, сжала ручку. Села. Молча.

— Логунов, — строго оборвал его профессор, — юмор — это хорошо, но давайте без личных выпадов. Продолжаем.

Луиза сделала вид, что внимательно записывает что-то в тетрадь. Внутри всё кипело, но она молчала. Обида жгла, но

показывать её она не собиралась — только чуть прищурилась, будто ставила мысленную зарубку: «Это тебе ещё аукнется».

Семинар тянулся мучительно долго. Профессор Игнатъев — с видом сытого ихтиозавра, — неторопливо выуживал из сонных студентов ответы о пропорциях и перспективе, а те, путаясь в собственных мыслях, неловко выкашливали ответы.

Наконец профессор взглянул на часы и объявил: «Всё, заканчиваем». Аудитория зашевелилась, заскрипели стулья. Оля и Маша убежали вперёд. Часть однокурсников еще лениво плелись к выходу.

Луиза нарочно замешкалась — не потому, что была рассеянна, а потому, что за пять лет выработала в себе привычку, которую приличные люди называют подслушиванием, а она сама предпочитала именовать «сбором сопутствующей информации». Логунов у окна с профессором — это был тот случай, когда информация обещала быть особенно сопутствующей.

Она делала вид, что никак не может собрать ручки, поправляла ремешок сумки, переключивала тетради — а сама не сводила глаз с окна, где Максим и профессор Игнатъев обсуждали диплом. Логунов писал про современные архитектурные концепции и их связь с классическими традициями. Ей было важно услышать каждое слово.

— Заберите книгу сегодня, — говорил Игнатъев. — Я по-

просил отложить её для вас. Она крайне редкая, последний экземпляр в городе. «Архитектурные параллели: от классики к модерну». Для вашей дипломной очень важна. Узкоспециализированная литература по архитектуре, градостроительству часто выходит мизерными тиражами. Пятьдесят экземпляров, отпечатанных в типографии Академии архитектуры к юбилею профессора Щукина! Там есть редкие архивные фото, которые не публиковались широко. Без них ваша работа потеряет весомость.

— Да, я знаю, — кивнул Максим. — Обязательно заеду сегодня.

— Магазин «Старый фолиант».

Луиза замерла. Слова «тридцать экземпляров», «юбилей профессора Щукина», «последний экземпляр» врезались в сознание, как гвозди в свежеструганную доску. Она смотрела на затылок Максима — чёрные волосы, лёгкая небрежность, с которой он кивал Игнатьеву. И вдруг внутри что-то щёлкнуло. Не как выключатель — как спусковой крючок.

Тихий, почти ласковый щелчок, после которого уже ничего не остановишь.

«Не достанется она тебе», — подумала Луиза, и эта мысль была такой сладкой, что у неё пересохло в горле.

Луиза торопливо запихнула тетради в сумку, попутно доставая телефон.

Пальцы скользили по экрану, оставляя мокрые следы — ладони вспотели, как перед экзаменом, к которому не го-

товисься. «Старый фолиант», часы работы: до семнадцати. Она посмотрела на часы в углу экрана — 15:47. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Секунды не текли, а перекатывались. Луиза развернулась и почти побежала к выходу.

У дверей, как всегда пунктуальный и невозмутимый, дождался её дядя Коля — человек, которого ни спешка, ни женские тревоги не могли вывести из состояния флегматичного спокойствия.

— Дядя Коля, — выпалила она, запыхавшись и чуть не сбив его с ног, — срочно нужно в книжный! «Старый фолиант»!

— Конечно, Луша, — кивнул он, открывая дверь машины. — Садись. Адрес какой?

— Я... я сейчас найду, — Луиза лихорадочно тыкала в экран телефона, пока дядя Коля помогал ей сесть. — Вот, вот он! Быстрее, пожалуйста!

По дороге Луиза то и дело поглядывала на часы. Она представляла, как Максим выходит из университета, садится в свою машину, неторопливо идёт по парковке — он же наверняка не спешит, уверен, что книга его. «Нет уж, дружок, — думала она, — сегодня удача на моей стороне».

— Дядя Коля, можно чуть быстрее? — попросила она. — Очень важно успеть первой.

— Первой? — он удивлённо поднял бровь, но прибавил газу.

Магазин оказался небольшим, с тёмными деревянными полками и запахом старой бумаги. Луиза, вдохнув этот архивный воздух, на миг забыла цель своего визита. За стойкой стоял седой продавец в очках.

— Здравствуйте, — Луиза подбежала к прилавку. — У вас есть книга «Архитектурные параллели»? Мне сказали, она отложена для Максима Логунова.

Продавец поднял глаза, достал из ящика тяжёлый том.

— Отложена. Вы за ним?

— Да, — выпалила Луиза. — Максим не сможет приехать, попросил меня забрать.

Продавец внимательно посмотрел на неё.

— А вы кто?

Сердце Луизы ёкнуло.

— Однокурсница, — сказала она. — Мы вместе учимся.

Продавец пожал плечами и протянул книгу.

— Забирайте. Дорого, но она того стоит.

Луиза не поверила своим ушам. Как легко! Руки дрожали, когда она отсчитывала купюры. Хорошо, что тётушки не следили за её расходами. Она взяла тяжёлую книгу и провела пальцами по тиснению.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Я передам.

Выйдя на улицу, она на мгновение остановилась, прижимая книгу к груди, как трофей. Глубоко вдохнула — не весенний воздух, пахнувший первой листвой, а воздух победы. Он был горьковатым, с привкусом чужого разочарования, и

это было восхитительно. «Логунов книгу не увидит».

В машине дядя Коля спросил:

— Куда теперь, Луша?

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то хулиганское, немного озорное.

— К тётям, дядя Коля.

«Может, — подумала она про себя, — я даже прочитаю эту книгу. Вдруг там что-то интересное. А если нет — всегда можно использовать её как подставку для кофе. Главное, что Логунов её не получит».

Глава 7

Луиза сидела на заднем сиденье, прижавшись щекой к прохладной коже обивки, и смотрела, как за окном мелькают огни — жёлтые, красные, зелёные — они стекали назад, в темноту, оставляя в глазах светящиеся полосы. Она думала о том, как было бы здорово самой сесть за руль. Не для того, чтобы куда-то сбежать. Просто чтобы почувствовать: можно нажать на газ, и мир послушно ускорится.

Она прекрасно умела водить. Сдала на права в 18 лет — тихо, тайком, попросила дядю Колю записать в автошколу, а тётушкам сказала, что это дополнительные курсы по архитектурной графике. Но тётки запретили водить, когда узнали, что она получила права. «Ты не должна садиться за руль, — говорили они, и голоса их сплетались в один, как две нити

в канате. — Это слишком опасно для такой нежной девушки!»

Родители Луизы погибли в аварии, когда ей было пять. Она не помнила ни лиц, ни голосов — только смутный страх перед слишком быстрой ездой, который жил в ней отдельно от неё самой, как чужой сосед в коммунальной квартире. Тётушки боялись, что история повторится. «Мы не переживём, если с тобой что-то случится!» — кричали они, и Луиза сдавалась. Каждый раз. Потому что спорить с чужой болью, которая притворяется заботой, — всё равно что биться головой о стену в надежде, что стена уступит.

— Приехали, Луша, — дядя Коля припарковался у кованых ворот.

— Спасибо, — Луиза улыбнулась и вышла из машины, оставив воспоминания на заднем сиденье.

Тёти давно жили вместе — так было не одиноко, к тому же воспитывать Луизу хотелось обоим. Их дом казался декорацией к пьесе. Три этажа, колонны, мраморные ступени с выбоинами — всё это когда-то выглядело внушительно, но теперь казалось костюмом, который сшили на вырост. Внутри висели картины в золочёных рамах — кто-то из передвижников явно рисовал их со скуки. Бархатные шторы висели тяжёлыми складками, как судьи, которые устали выносить приговор. Антикварная мебель лоснилась от воска.

Всё здесь кричало: «Мы — потомки дворянства!» — но крик этот был похож на оперную арию в пустом зале: громко,

пафосно и никому не нужно.

«Пошло и банально, — подумала Луиза». Но тут же поймала себя на том, что, несмотря ни на что, любит этот дом. Любит запах старого дерева и воска, которым натирали полы — густой, чуть сладковатый, как в церкви после службы. Любит скрип половиц: каждая скрипела по-своему, и по ночам, лёжа в своей комнате на втором этаже, она угадывала, кто идёт — тётя Рита (уверенно, с каблуками, будто отдавала честь каждому шагу) или тётя Марина (мягко, в тапочках, крадучись, как будто боялась разбудить даже мышей). Любит даже эту вычурную лепнину на потолке — она помнила, как в детстве считала завитушки.

«Странная любовь, — подумала Луиза. — Любить то, что хочется переделать».

— Луизанька приехала! — тётя Рита всплеснула руками так, будто собиралась взлететь, но в последний момент передумала. Высокая, статная, с идеально уложенными седыми волосами, она держала спину прямой, как школьная линейка. — Совсем про нас забыла!

— Как можно, тётя Рита, — Луиза поцеловала её в щёку. — Просто учёба, диплом...

— Учёба, учёба, — подхватила тётя Марина, младшая сестра, миниатюрная, с живыми глазами. — Ты всё учишься, а жизнь проходит!

Тётя Марина, младшая сестра, была её полной противоположностью — миниатюрная, живая, с вечно встревоженны-

ми глазами и руками, которые никогда не лежали на месте. Она суетилась вокруг Луизы, как птица вокруг гнезда, — поправляла воротник, одёргивала юбку, заглядывала в лицо: «Не похудела ли?»

Тётушки любили Луизу — это было видно по их взглядам, по тому, как они тут же начали её опекать: сняли кардиган, усадили у камина, принесли чашку любимого мятного чая с лимоном.

Тётя Рита погладила её по руке. Луиза была их гордостью и их счастьем.

— А теперь рассказывай, как дела в университете?

Луиза начала рассказывать про проект, про семинар. Но тётушки быстро свернули разговор к более важному для них вопросу.

— Мы тут нашли тебе прекрасного молодого человека, — торжественно объявила тётя Рита.

При этой новости внутреннее состояние Луизы можно было бы назвать досадой, если бы это слово не было столь слабым для описания чувств, которые она питала к подобным предложениям.

«Нашли» — как будто речь шла о потерянных ключах или выигрышном лотерейном билете. Она уже знала этот сценарий наизусть: имя, семья, профессия, фотография на телефоне тёти Марины, восторженные взгляды, её собственное «но» и их твёрдое «никаких но».

— Его зовут Кирилл, — добавила тётя Марина, доставая

телефон. — Из прекрасной семьи. Отец — крупный промышленник, дед — профессор консерватории. Работает в международной компании. Юрист по образованию.

— Мы уже договорились, — радостно продолжила тётя Марина. — В субботу мы сами придём его к тебе. Ты будешь дома, да?

— Но... — Луиза попыталась возразить.

— Никаких «но», — строго сказала тётя Рита. — Тебе уже двадцать три. Пора думать о семье. Мы с Мариной так хотим внуков!

Луиза опустила глаза. Тётушки потеряли своих мужей — оба были добрыми, богатыми людьми, лучшими мужчинами, каких они когда-либо встречали. Мужья оставили им огромное наследство: недвижимость, счета в банках.

Тётя Рита была замужем за инженером. В девяностом, когда заводы встали, ее муж рискнул: организовал кооператив по производству автозапчастей. Рита вела сметы, считала налоги, договаривалась с поставщиками. Её железная хватка и умение просчитывать риски спасали бизнес не раз. Тётя Рита овдовела десять лет назад — муж переработал, не заметил, как остановилось сердце.

Муж тётки Марины был хирургом, который бросил бюджетную медицину и открыл частную клинику. Она выхаживала своего мужа до последнего, хотя выходила замуж не по любви, а от безысходности. Детей ни у той, ни у другой не было. Вся нерастраченная материнская любовь обрушилась

на Луизу.

Луиза знала всё это. Знала с детства. Но осознавала по-настоящему только сейчас, глядя на их сухие, выдержанные лица.

— Мы просто хотим, чтобы ты была счастлива, — уже мягче сказала тётя Марина, глядя племянницу по руке. — Чтобы у тебя была настоящая семья, дети. Мы ведь не вечны, солнышко.

— Я понимаю, — Луиза сжала её руку в ответ. — И я вас очень люблю. Но дайте мне ещё немного времени, хорошо? Я пока не готова к таким серьёзным шагам.

Тётушки переглянулись.

— Ладно, — вздохнула тётя Рита. — Но хотя бы познакомись с Кириллом? Просто беседа, без обязательств.

— Хорошо, — Луиза улыбнулась. — Познакомлюсь. Но без обещаний. «И без надежды, что я буду милой», — добавила она про себя.

— Вот и славно! — обрадовалась тётя Марина. — Значит, в субботу. А теперь идём ужинать. Я приготовила твой любимый пирог с грибами!

Они направились в столовую. Большая комната с высоким лепным потолком, где ангелы в гипсовых венках держали потускневшие от времени ленты. Огромный дубовый стол, на котором поместилось бы человек двадцать, но сейчас сервировка стояла только на одном краю — три прибора, три хрустальных бокала, три сложенные салфетки в форме вееров.

Луиза шла следом за тётушками, чувствуя одновременно тепло и тяжесть их заботы — как одеяло, которое греет, но не даёт пошевелиться. «Они ведь хотели для меня только лучшего», — подумала Луиза.

Тётя Марина разливала суп — золотистый, с укропом, пар поднимался над тарелками и таял под потолком. Тётя Рита резала хлеб — ровными, почти ювелирными ломтями, будто каждое движение было выверено десятилетиями. За ужином они рассказывали истории из своей молодости. Как познакомились с мужьями. Как выбирали подвенечные платья — тётя Рита в ателье на Кузнецком, тётя Марина в Париже, куда её будущий муж специально возил. Как ссорились и мирились, как растили бы детей, если бы они у них были. Голоса их текли ровно, как река в половодье — спокойно, привычно, чуть старомодно.

Потом, когда подали пирог с грибами, который Луиза любила с детства, с тонким слоем сметаны и хрустящей корочкой, — тётя Рита вдруг отложила вилку, посмотрела на Луизу долгим, изучающим взглядом и начала негромко, почти ласково:

— Луизонька, вот пойдёшь на свидание с Кириллом, приглядывайся внимательно. Не торопись. Наблюдай, как он с официантом разговаривает. Смотри, как он реагирует, если ему принесут не тот заказ. А вообще, запомни, главное — если парень не провожает тебя до дома после свидания, если ему лень пройти лишние полквартиры, значит, не твой это

человек.

— И с мамой его обязательно познакомься, — подхватила тётя Марина, подкладывая Луизе ещё кусок пирога. — Выбери такую свекровь, чтобы к ней не страшно было отправить внуков на лето.

Тётя Рита кивнула, вытерла губы салфеткой, поправила брошь на воротнике — старинную, с бирюзой, которую носила ещё её мать. На секунду её взгляд ушёл куда-то в сторону, в прошлое. Потом она посмотрела на Луизу в упор, и голос её стал чуть твёрже:

— И вообще, запомни правило. Никогда, слышишь, никогда не спорь с мужем. Зачем тебе с ним спорить, если ты умеешь плакать? Спор — это мужское оружие. А женское — слёзы.

Тётя Марина тихо вздохнула, накрыла ладонью руку Луизы — ладонь была маленькой, тёплой, чуть шершавой.

— И ещё одно, девочка, — сказала она. — Учись говорить: «Я не знаю». Не бойся выглядеть глупой. Мужчины любят, когда женщина иногда притворяется беспомощной. Захочешь быть умной — будешь решать все проблемы сама.

Они обе замолчали, глядя на Луизу. В глазах тёти Риты — строгая нежность, в глазах тёти Марины — тревога, почти страх. Будто они не советы давали, а заклинания читали. Будто от этих слов зависело, уцелеет ли Луиза в большом мире.

Луизе хотелось возразить, сказать, что всё это патриар-

хальный вздор, что она сама справится, что она не будет ни плакать нарочно, ни притворяться глупой, ни выбирать мужа по маме. Но она посмотрела в их лица — такие родные, такие старые, такие любящие — и проглотила всё. Вместо этого она медленно прожевала кусочек пирога, запила чаем и сказала, как можно спокойнее:

— Хорошо, я учту.

Тётушки переглянулись, удовлетворённо кивнули и вернулись к своим тарелкам. Разговор потекла дальше — о погоде, о соседях, о том, что в этом году необычно рано зацвели яблони.

Луиза слушала, улыбалась в нужных местах, иногда смеялась над старыми семейными байками, которые знала наизусть. Подкладывала себе пирог, пила чай, кивала. Но где-то глубоко, под слоем вежливости и благодарности, жила другая мысль — тёплая, почти запретная. О книге, которую она забрала у Логунова и которую он никогда не получит.

Глава 8

Вторник начался как обычно: ранний подъём, чашка кофе наспех, дорога в университет. Луиза вошла в аудиторию и сразу увидела Олю с Машей — подруги оживлённо о чём-то переговаривались и улыбались.

— Луиза, ты не представляешь, какой это был вечер! — с ходу выпалила Оля, едва Луиза подошла к их столу. — На-

стоящая сальса, меренге, бачата... Я чуть не упала пару раз, но это было так круто!

Оля говорила и жестикулировала так, будто дирижировала невидимым оркестром — её рыжие кудри подпрыгивали в такт словам, глаза горели, как два уголька в костре, который только что разгорелся. Луиза невольно улыбнулась: Оля умела заражать своим восторгом, даже когда речь шла о чём-то, чего ты сам не видел и, возможно, не хотел видеть.

— Да, — подхватила Маша, глаза её блестели. — Там был такой танцор — просто бог ритма! Он пару раз меня крутил, я даже забыла, как дышать.

Луиза заметила, что Маша сегодня была необычайно оживлена — почти до неестественности. Впрочем, она не стала придавать этому значения: в конце концов, даже у самых тихих особ бывают дни, когда хочется забыть о своих печалях и просто танцевать, пока не закружится голова. И если танцы помогли Маше хотя бы ненадолго вынырнуть из её обычной задумчивости, Луиза была только рада.

— Звучит волшебно, — Луиза улыбнулась, раскладывая тетради. — Я рада, что вы хорошо провели время.

— Жаль, что ты не пошла, — Оля наклонилась ближе. — Мы бы тебя научили! Сначала базовые шаги, потом повороты...

— А зачем? — раздался голос Максима. Он стоял, прильнув к стене, и насмешливо улыбался. — Луиза не знает, что за пределами учебников существует мир. Может,

она думает, что все танцуют по теореме Пифагора?

Кто-то усмехнулся, кто-то многозначительно кашлянул. Луизу накрыло — как будто в лицо бросили горячее полотенце, которое невозможно стянуть. «Опять, — подумала она. — Опять он. Опять при всех».

Маша, стоявшая рядом, поспешила вступиться:

— Макс, ну чего ты? — её голос прозвучал чуть громче. — Луиза ничего плохого не сделала. И вообще, она очень умная...

Маша покраснела — не от смущения, а от отчаянной надежды, что он наконец посмотрит на неё не как на пустое место. Она говорила громче обычного, и в этом «громче» было всё: и годы молчаливого обожания, и страх, что он никогда не узнает, и маленькая, глупая вера в то, что сегодня, может быть, всё изменится. Максим, разумеется, не заметил.

— Умная — да, — перебил Максим, — но скучная.

Луизы подумала, что её собственная злость на Логунова не идёт ни в какое сравнение с тем, что чувствует Маша. «Бедная Маша, — мысленно вздохнула она. — Она ведь даже не знает, как обратить на себя его внимание, а он меняет девушек каждую неделю и даже не замечает, как она краснеет, когда он рядом».

— Зато я знаю, что такое такт, — тихо, но чётко сказала Луиза, наконец поднимая глаза на Максима. — И уважение к другим. Это, кстати, тоже в учебниках есть.

Максим на мгновение замер, явно не ожидая ответа. Но

быстро пришёл в себя и язкаясь сказал:

— О, смотрите-ка, эльфийская принцесса проснулась и заговорила!

У Луизы перехватило дыхание. Не от обиды — от ужаса. «Эльфийская принцесса» — откуда он это взял? Или просто случайное совпадение? Она почувствовала, как холодная волна пробежала от затылка до пальцев на ногах, а сердце пропустило удар. *«Случайность, — сказала она себе. — Просто случайность. Он не может знать. Он не знает. Он не...»*

Она заставила себя выдохнуть. Медленно. Глубоко. Только не показывать виду.

«Он не может знать про игру, — подумала она. — Это точно случайность».

Но тревожный осадок остался. Луиза заставила себя выдохнуть и, взяв подруг под локти, поспешно сказала:

— Пойдёмте сядем. Пара сейчас начнётся.

После занятий она заторопилась домой — подальше от Логунова, от его взгляда, от дурацкого совпадения. У неё были дела поважнее, чем его перепалки. В субботу её ждала игра. Единственное место, где она не Луиза, а Лариэль, эльфийская принцесса из Леса Серебряных Ветвей. Секрет, которым она не делилась ни с кем.

Она испугалась, когда Максим назвал её «эльфийской принцессой». Но он не мог знать. Не мог. Иначе уже давно бы поиздевался.

Луиза состояла в клубе по сюжетно-ролевым играм², где воплощала образ эльфийской принцессы. Раз в три месяца члены клуба собирались вместе и разыгрывали любимые сцены из книг или фильмов, иногда вовсе создавали свой сценарий. Сюжет задавался мастерами-организаторами, но его развитие зависело и от решений игроков — история творилась на глазах. Участники всегда старались вести себя как их персонажи даже в мелочах: говорили с акцентом, соблюдали этикет эпохи, использовали игровой язык.

Она знала, что, если кто-то узнает, её тут же окрестят «ботаном» или «занудой, которая играет в куклы». В университете ценились стажировки, научные проекты. А не костюмы, мечи из пенопласта и заклинания.

Луиза чувствовала себя шпионкой, которая переодевается на границе двух миров: в одном — серые свитера, конспекты, насмешки Логунова; в другом — эльфийские уши и магия. Если миры столкнутся — не выживет никто.

Она заставила себя не думать об этом. До субботы ещё три дня. А пока — домой, проверить костюм, повторить текст роли и представить, как она ступит в Лес Серебряных Ветвей.

Дядя Коля ждал у входа, прислонившись к капоту машины.

— Домой, Луша? — спросил он, открывая дверь.

— Да, — она забралась на заднее сиденье и откинулась

² ЛАРП

на спинку. Идти до дома было десять минут, но пешком не хотелось.

Дядя Коля занял своё место за рулём, завёл двигатель.

— Устала?

— Немного, — Луиза прикрыла глаза. Дядя Коля не задавал лишних вопросов.

Дом встретил Луизу знакомым запахом лаванды. Коричка с пушистым хвостом-бубликом восторженно прыгала вокруг, тыкалась мокрым носом в ладони, виляла всем телом и повизгивала от радости. Она всегда так встречала Луизу: будто она отсутствовала не полдня, а целый год.

— Коричка! — Луиза рассмеялась и присела на корточки. — Ты опять караулишь у двери?

Луиза подхватила собачку на руки, зарылась лицом в мягкую коричневую шерсть.

— Ну что, шпицуля, — она надела на собачку шлейку и пристегнула поводок, — побежали дышать свежим воздухом?

В парке было тихо и спокойно — так тихо, что Луиза почти забыла про утреннюю перепалку. Деревья уже покрылись лёгкой дымкой молодой зелени, и сквозь неё просвечивало небо — бледно-голубое, почти прозрачное. На солнечных полянках желтели первые одуванчики — наглые, яркие, они лезли из земли, будто им было всё равно, кто на них наступит. Коричка носилась по траве, тыкалась носом в каждый куст, и в её беззаботной радости было что-то такое, че-

му Луиза завидовала по-хорошему. Собака не знала ни про Логунова, ни про ЛАРП, ни про страх, что кто-то узнает.

Дома Луиза накормила Коричку, а себе Луиза налив чашку мятного чая, достала почти готовое белое платье для игры.

Платье было сшито из лёгкой белой струящейся ткани, с вышивкой по лифу и рукавам — серебряными нитями, которые переливались при движении. Несколько перьев уже были аккуратно пришиты у выреза, придавая наряду эльфийскую изысканность.

Луиза взяла иголку — тонкую, серебряную, почти невидимую в пальцах — и вдела нить. Каждый стежок был медитацией: игла входит в ткань, выходит, тянет за собой нить, и вот уже перо ложится туда, где ему положено быть. Она шила не спеша, почти молитвенно. В такие моменты время останавливалось — или, может быть, оно начинало течь заново, но уже в другом мире, где она была не Луизой, а Лариэль, эльфийской принцессой из Леса Серебряных Ветвей. Игра и актёрская импровизация долгое время служили Луизе тренировочной площадкой уверенности. Психолог же помогла эту уверенность осознать и направить.

Коричка устроилась рядом, на диване, и внимательно наблюдала за её руками. Время от времени она поднимала голову, будто проверяя, всё ли в порядке, а потом снова укладывалась, подрёмывая. Луиза тихонько напевала себе под нос, сосредоточившись на работе. Платье почти готово. Ещё

пара часов — и оно будет идеально. «Ещё несколько стежков — и платье задышит», — подумала Луиза. Она любила эту грань между «почти готово» и «готово».

Луиза подумала, что ей нравятся её роли. Ей нравилось, что она постоянно разная. И никто не знает её секретов. «Надеть костюм, изменить походку, голос, — думала она, — это магия. Магия, которая напоминает: личность не статична, она многогранна».

Глава 9

Луиза не отвечала Логунову напрямую. Никогда. Даже когда он бросал свои язвительные «декор для торта» или «эльфийская принцесса», она молчала. Опускала глаза, сжимала ручку, выходила из аудитории. Открытый ответ означал бы признание. А признавать, что его слова её задевают, было хуже любой публичной пощёчины. Она не доставила бы ему этого удовольствия.

Но обида не исчезала. Она копилась медленно, как вода, что годами находит трещину в стене и точит камень, невидимая, но неумолимая. Луиза не давала ей выплеснуться наружу — она направляла её в другое русло. В тёмное, тихое, где никто не видел.

И она мстила. Изобретательно. С упорством, которого в ней никто не подозревал.

Впервые это случилось на первом курсе. Макс оставил на

столе конспект по сопромату, а сам ушёл в буфет. Луиза задержалась в аудитории, делая вид, что разбирает сумку. Когда его шаги затихли в коридоре, она подошла к его парте, открыла тетрадь. На полях, рядом с аккуратно выведенной формулой, написала красным маркером: «Здесь должно быть умное слово, но ты его не знаешь». И пририсовала маленького ослика с короной. Потом спрятала маркер в карман и вышла, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое, почти невинное — как первый глоток горячего чая после долгого холода.

Логунов с первого курса высмеивал её имя. И однажды она пришла в университет с папкой, в которой лежал тщательно подготовленный документ. Это была «научная работа» под названием «Этимологический анализ имени Луиза в контексте профессиональной деятельности архитектора».

Работа была оформлена по всем правилам: с титульным листом, содержанием, списком литературы и даже графиками. В ней Луиза подробно разбирала происхождение своего имени, его значение в разных культурах, а главное — проводила параллели между качествами, заложенными в имени, и требованиями к профессии архитектора. К работе прилагалась специальная презентация с цитатами известных архитекторов, статистикой успешных женщин-архитекторов и даже генеалогическим деревом писательницы Луизы Мэй Олкотт. Она положила Логунову в сумку эту работу. Макс не сказал ни слова, но в его взгляде мелькнуло что-то новое —

возможно, недоумение, а возможно, невольное уважение. Во всяком случае, с тех пор имя «Луиза» перестало быть для него мишенью для острот.

Однажды она подписала его на факультатив по истории ландшафтной архитектуры. Среда, девять утра, два часа лекций о парках восемнадцатого века. Секретарь кафедры отвернулась на секунду — и фамилия Логунов оказалась в списке. Макс узнал об этом на третьей неделе, когда староста спросил, почему он не сдал реферат. Пришлось объясняться, ходить к декану. Луиза, сидя в третьем ряду, слушала его сбивчивые оправдания спокойно, как ни в чём не бывало.

Иногда она действовала тоньше. В его курсовом проекте, который он распечатал перед сдачей, она поменяла местами два листа с чертежами. Не удалила, не испортила — просто перепутала порядок. Макс на защите листал, хмурился, преподаватель заметил нестыковку. Пришлось оправдываться: «Ошибка при печати». Луиза сидела в последнем ряду и смотрела в окно — на голые ветки, на серое небо, — и лицо её было совершенно невинным.

Однажды, уже в конце учебного года, когда он забыл выйти из почты на университетском компьютере, Луиза задержалась после пары, дождалась, пока аудитория опустеет, и быстро набрала письмо Игнатьеву: *«Уважаемый Игорь Валентинович! Не могли бы вы перенести защиту курсового на неделю? Мне нужно срочно уехать к больной бабушке. И ещё — как рассчитать вентиляционный зазор? Я запутался»*.

Отправила, удалила из «Отправленных» и вышла. Макс потом рассказывал Стасу, что Игнатьев на него так смотрел, будто он идиот. Луиза слушала краем уха, сидя через два ряда, и поправляла волосы — тем самым спокойным жестом, который ничего не значил ровно до тех пор, пока кто-нибудь не догадался бы заглянуть ей в душу.

После каждой насмешки, от которой хотелось провалиться сквозь землю, она позволяла себе маленькую, почти незаметную месть. Из чувства справедливости. Или из гордости — она сама не могла бы сказать точно.

Однажды она подписала его на астрологическую рассылку. Нашла в интернете сайт с броским названием «Гороскоп на сегодня: судьба не дремлет». Заполнила его имя, адрес электронной почты, отметила галочкой «присылать специальные предложения». С тех пор каждое утро Логунов получал письма с заголовками: «Меркурий в ретрограде — не начинай важных дел!», «Приворот на любовь — действенная схема для Тельцов», «Соль на порог: как защитить дом от негатива». Луиза представляла, как он хмурится, нажимая «удалить», и улыбалась, наливая себе чай.

А однажды она решилась на большее. Ранним утром, когда парковка у университета была еще полупуста, она подошла к его внедорожнику. Никого вокруг — только ветер да редкие вороны на фонарях. Она присела у заднего колеса, нащупала золотник — маленький медный стержень, торчащий из ниппеля. Пальцы чуть дрожали, но она заставила се-

бя действовать медленно, аккуратно. Ключом, который купила специально, она слегка приоткрыла клапан. Воздух зашипел — не громко, почти шепотом. Она подождала ровно минуту, затем завернула золотник обратно. Колесо не спустило сразу, но к середине дня должно было стать мягким.

Тайная месть стала для неё способом вернуть контроль в те годы, когда она чувствовала себя уязвимой и — как ей казалось — дефектной. Когда её собственное тело предавало её, не желая того, что так легко давалось другим. Это была её форма близости — извращённая, почти незаметная, но от того более сладкая.

«Это восстановление баланса. — убеждала она себя. — Он наносит удар — я парирую. Он унижает — я возвращаю долг. По чуть-чуть, чтобы не перегнуть. Чтобы никто не догадался».

Логунов подозревал многих. Но Луиза была где-то в самом конце списка — слишком правильная, слишком молчаливая. И это была её главная защита.

Глава 10

Аудитория № 307 встретила её гулом голосов и запахом кофе из автомата. Луиза заняла своё место у окна, достала ноутбук, открыла файл с проектом. На экране появилась изящная 3D-модель: плавные линии фасадов, террасы с растениями, прозрачные купола над общественными простран-

ствами. Она невольно улыбнулась — получилось действительно красиво.

Преподаватель, Игорь Валентинович, вошёл в аудиторию и коротко обозначил план занятия:

работа в AutoCAD — доработка чертежей фасадов;
в Revit — корректировка BIM-модели здания;
презентация промежуточных результатов.

Маша, сидевшая рядом с Луизой, вздохнула — такой тихий, почти беззвучный вздох, который она, наверное, репетировала годами. Поправила прядь русых волос, хотя та и так лежала идеально. И с отчаянной обречённостью, с которой смотрят на море, когда знаешь, что не уплывёшь, — покосилась в сторону Макса. Он сидел через два ряда, небрежно развалившись на стуле, и что-то быстро печатал в телефоне. Высокий, темноволосый, с этой его фирменной ухмылкой — ленивой, снисходительной, будто он уже всё понял про этот мир и про всех, кто в нём живёт. Маша смотрела на него, и в её взгляде было всё: и надежда, и боль, и долгое, привычное уже одиночество.

«Опять смотрит на него, — подумала Луиза. — Бедная Машка. Влюбилась по уши, а он даже не замечает».

Однокурсница Аня, сидевшая через проход, тут же подняла руку:

— Игорь Валентинович, а можно уточнить по BIM? У меня модель немного «глючит» при интеграции инженерных систем...

Пока преподаватель объяснял, Луиза вернулась к своему проекту. Пальцы бегали по клавиатуре — быстро, почти музыкально, будто она играла гамму, которую выучила давно и любила до дрожи. AutoCAD послушно чертил линии, она проставляла размеры, уточняла углы, проверяла пропорции. Revit принимал её команды как хорошо обученный помощник: вот вентиляционная шахта, вот трубопровод, вот электрическая сеть — всё ложилось в модель, как кирпичики в идеальную стену. Луиза любила этот момент: когда чертёж перестаёт быть просто линией. Когда здание на экране становится почти живым — ты можешь пройти по его коридорам, заглянуть в окна, представить, как солнечный свет падает на пол. «Вот бы тётушки позволили мне работать после университета, — подумала она. — Вот бы они поняли, что это не хобби».

Маша тем временем пыталась сосредоточиться на чертежах, но взгляд снова и снова возвращался к Максy. Она незаметно поправила воротник блузки, проверила, не размазалась ли помада.

— Лу, — шепнула она, наклоняясь ближе, — как думаешь, он хоть раз на меня посмотрел? Ну, по-настоящему, а не когда я случайно локтем чашку опрокинула на прошлой неделе?

Луиза оторвалась от экрана, бросила быстрый взгляд на Макса и едва сдержала улыбку.

— Маш, он вообще никого не замечает, кроме себя. Но

ты у нас красотка — вон, вчера в кафе все парни на тебя оглядывались.

— Да ну, — Маша покраснела и махнула рукой, но глаза её заблестели.

Она снова покосилась на Макса. Тот наконец оторвался от телефона, потянулся, демонстративно зевнул и поймал взгляд Маши. На секунду их глаза встретились — Макс чуть заметно кивнул, и Маша тут же отвернулась, чувствуя, как горят уши. Внутри нее всё взорвалось фейерверком.

— Видела?! — прошептала она Луизе, стараясь скрыть восторг. — Он мне кивнул! Это что-то значит, да?

Луиза подавила вздох. Она хорошо знала эту Машину черту: мгновенно загораться, видеть знаки там, где их нет, и так же быстро гаснуть от малейшего равнодушия. Но в этом была вся Маша — искренняя, эмоциональная, способная влюбиться в идею, человека или закат с одинаковой страстью.

— Может, и значит, — дипломатично ответила Луиза, возвращаясь к модели. — Но ты лучше посмотри сюда. Что если сделать купола не полностью прозрачными, а с градиентом?

Оля сидела слева от Луизы и была слишком увлечена работой, чтобы встречать в разговор. Её молчание как будто отодвинуло её на задний план, и в освободившемся пространстве Луиза острее обычного почувствовала присутствие Макса. У него, кажется, что-то случилось. И она дога-

дывалась в чём дело.

Настроение у него было такое, когда хочется ударить по столу кулаком, но стол — не твой, и кулак — жалко. Кто-то увёл его книгу. Книгу, которая нужна для диплома. Научный руководитель Игнатъев с его привычкой говорить «вы меня разочаровали» — так, что хочется сквозь землю провалиться. Макс собирался заехать после пар, но задержался. Потом пробка на набережной, где светофоры горели красным, будто издеваясь. А теперь — вот. Книги нет. Интернет её не знает. Пятьдесят экземпляров на всю страну — и один, нужный, испарился. *«Кто? — подумал он. — Кто мог её взять?»*

Он снова начал поиски книги в интернете. Появились ссылки. Он открыл первую — «Нет в наличии». Вторая — РГБ — «выдана». Он проверил ещё три онлайн-библиотеки — везде один и тот же ответ: её нет. Интернет не знал этой книги. Потому что её не существовало для интернета. Для старых книг, особенно вышедших до массовой оцифровки, это было нормой. Пятьдесят экземпляров, отпечатанных в типографии Академии архитектуры к юбилею профессора Щукина!

«Ну же, — мысленно уговаривал он экран, — хоть где-то должна быть!» Он попробовал поискать по автору, по ключевым словам — безрезультатно. Что за дурацкая книга, которой нигде нет!

В телефоне всплыло сообщение от девушки: «Жду в субботу».

— Точно, чуть не забыл! — Макс криво усмехнулся, и на мгновение все проблемы отступили. Он с предвкушением ждал субботы. В голове промелькнули картинки: она в облегчающем платье, её взгляд, оценивающий его реакцию, пара коктейлей, чтобы снять напряжение, и — самое главное — вечер без дипломов, Игнатьева и этих чёртовых книг.

Макс не питал иллюзий относительно своей привлекательности для противоположного пола. Он знал, что пара любезностей и своевременная шутка обычно делают своё дело. Он не лез в душу к собеседнице и уж точно не собирался выворачивать свою. Суббота — не для откровений. Ему было достаточно, чтобы вечер прошёл без сюрпризов, а закончился тем, к чему он привык.

Глава 11

Маша шла домой, и каждый шаг давался как после бессонной ночи. Сумка оттягивала плечо — как будто в ней лежали не конспекты, а чьи-то невысказанные обиды. Маша не помнила, о чём говорили на последней паре. Кажется, кто-то что-то спрашивал, она что-то отвечала. Всё прошло мимо, как серый туман за окном. В голове был только он. Максим.

Он даже не знал, что она существует в этом мире. *«Он никогда на меня не посмотрит, как на девушку»*, — мысль была не новой, но каждый раз била наотмашь, словно впервые.

Представила его взгляд. Не тот, которым он смотрит на

друзей, а тот, которым мог бы посмотреть на неё. В её фантазиях этот взгляд был тёплым, понимающим. Но реальность была другой — холодной и безразличной. Между ними была пропасть. Из-за статуса и внешности, и из-за чего-то неуловимого, из-за той искры, которой не было.

Дверь захлопнулась, отрезав город. Тишина навалилась — не спасительная, а тяжёлая, как одеяло, под которым задышаешься. Коридор с узкими шкафами казался чужим, хотя Маша знала здесь каждую царапину. Время застыло в этих стенах двадцать лет назад и не собиралось двигаться дальше.

«Он никогда не обратит на меня внимание».

Это был не упрёк ему, а приговор самой себе. Она была невидимкой. Девушкой-невидимкой с потрёпанной сумкой и глупыми мечтами. Для него она — часть интерьера. Стул. Стена. Пустое место.

Хотелось плакать, но слёз не было. Осталась только пустота и одна мысль, которая возвращалась, как только она пыталась думать о чём-то другом: *«Он никогда на меня не посмотрит».*

Когда-то, в юности, ей казалось: её ждёт успех, у неё будет работа, где её ценят, любовь, от которой захватывает дух, жизнь — как на открытке. А теперь она стояла в узком коридоре с немодными шкафами и понимала: всё это — не про неё. И никогда не будет. *«Вот оно осознание, что реальность гораздо сложнее, скучнее или просто другая».* — подумала она.

Разрыв между мечтой и реальностью оказался слишком глубок и он высасывал из неё силы. Маша чувствовала себя пустой, боль уже не резала — она просто давила, ровно и глухо, как если бы сверху положили мешок. И в этом давлении что-то сломалось. «А зачем?» — спросила она себя. Вопрос упал в бездну сознания и эхом вернулся, умноженный в тысячу раз.

Зачем эта учёба? Зачем эти бессонные ночи над конспектами? Зачем вставать по утрам, если самое светлое, что могло случиться — невозможно?

Мир вокруг вдруг потерял все свои контуры. Комната поплыла перед глазами. Стены, знакомые с детства, казались чужими, картонными декорациями. Вся её жизнь, все эти двадцать три года, выстроились в длинную, бессмысленную очередь из дней. Дней, которые нужно было просто «перезжить». Перетерпеть.

Она вдруг увидела себя со стороны: маленькая фигурка в огромной, холодной вселенной. Одна. Совершенно одна.

Максим был для неё не просто парнем из университета. Он был её иллюзией смысла. Той последней искрой, ради которой хотелось причесаться утром и улыбнуться отражению в зеркале. Он был её оправданием. «Потерпи ещё немного», — говорила она себе. — «Вот увидишь, однажды он заметит тебя».

А теперь?

Теперь впереди была лишь пустота, в которой не за что

зацепиться. Не было ни любви, ни будущего, ни даже прошлого — оно казалось глупой ошибкой.

Смысл жизни оказался карточным домиком. Достаточно было лёгкого сквозняка — его равнодушного взгляда — чтобы всё рухнуло, оставив после себя лишь горстку серого пепла на полу.

Маша сидела раздавленная осознанием: *если тебя не существует для того единственного человека, ради которого ты существуешь... то не существуешь ли ты вообще?*

Романы, которые она читала в электричке, прячась за яркими обложками. Истории о любви... Её прорвало. Не слезами — сухой, едкой яростью. «Любовь... Какая, к чёрту, любовь?» Она чувствовала себя обманутой. Не Максимом — нет. Его равнодушие было честным. Он не обещал ей ничего. Её обманули все эти глупые люди, которые расписывали в книгах про вечную любовь и родственные души. Они подсунули ей красивую фальшивку с горькой начинкой. Вся эта романтическая чушь оказалась просто красивым способом продать бумажки в переплёте. Она купилась на это. Поверила в сценарий. А жизнь — она вот такая. Серая. Молчаливая. И в ней нет места для сказок.

Глава 12

Наконец наступила суббота: небо — чистый лист, без помарок, солнце — щедрое, как внезапно разбогатевший род-

ственник.

Луиза кружилась среди берёз, и белое платье развевалось на ней, будто она несла на себе целое облако. Ветер не спрашивал разрешения — просто запускал пальцы в её волосы и тут же отпускал. На душе было легко и пусто, как в только что вымытой комнате.

В ЛАРПе она могла позволить себе то, что в университете называли бы «детским садом», — а на самом деле это было её тихое фрондёрство против правил взрослой жизни.

Игра у водохранилища шла своим чередом: гномы с напускной свирепостью штурмовали холм, маги швыряли «заклинания» (бумажные снежки), а эльфы, как водится, вдохновляли всех на подвиги, не прикладывая к тому видимых усилий — всё было правильно, всё стояло на своих местах.

— Лариэль, поддержи заклинание! — закричал Тим, размахивая посохом из ветки ивы. — Иначе гномы прорвутся!

— Держим строй! — Луиза подняла руки, изображая магический жест. — Сила леса, защити нас!

Её голос эхом разнёсся над поляной. Кто-то из эльфов подхватил клич, гномы зарычали в притворной ярости, а маги начали «заряжать» новые снежки. Луиза почувствовала, как внутри разливается тепло — это было не просто веселье, а настоящее единение, ощущение, что они все вместе творят что-то волшебное.

В кармане завибрировал телефон. Луиза вздохнула — наверняка тётя Марина с очередными нравоучениями. Она по-

косилась на организатора игры, который строго следил за соблюдением правил, и нерешительно достала телефон. Экран засветился, высвечивая знакомый номер.

— Луиза, мы уже подъезжаем! — бодро сообщила тётя.
— Будем через десять минут!

Десять минут. Луиза замерла, как кролик перед удавом. Мир вокруг перестал существовать — гномы, маги, эльфы, всё это вдруг стало плоским, картонным, ненастоящим. Остались только цифры: десять. Десять минут, чтобы успеть туда, где её не ждут, переодеться, придумать оправдание. Десять минут, которые плавилась в руках, как снег.

Десять минут. Суббота. Точно. Они же ещё в понедельник сказали, что приедут в субботу. Но она начисто забыла об этом среди эльфийских интриг и осадных машин из веток. В груди что-то сжалось — неприятное чувство вины смешалось с досадой на саму себя.

— Но... — пролепетала она. — Вы же говорили про воскресенье...

— Доченька, мы ничего не меняли! — голос тёти зазвучал строго. — Мы чётко сказали: суббота. Ты опять пропустила мимо ушей? Уже на подъезде к городу!

Луиза почувствовала, как кровь прилила к щекам. Вот чёрт. Она действительно прослушала. Или, что ещё вероятнее, отмахнулась тогда, подумав, что подобные напоминания не заслуживают серьёзного внимания. Как показала практика, внимание им всё-таки следовало уделить.

— Луиза! Нельзя пользоваться телефоном во время игры!

— громко крикнул организатор, перекрывая гомон игроков.

— Отключай! Или выбываешь!

Луиза вздрогнула. Паника накрыла волной — ледяной, душающей. Она огляделась: водохранилище блестело на солнце, кусты шелестели на ветру, до общаги бежать минут десять, если срезать через лес. Десять проклятых минут! В голове метались мысли: «Что делать? Как успеть? Что скажут друзья?»

— Ребята, я... мне надо срочно уйти! — Луиза схватила край платья и бросилась к краю поляны.

— Что? — Тимофей выронил посох, и тот покатился по мху, никем не замеченный. На лице его отразилось такое искреннее потрясение, будто Луиза только что объявила о разрыве дипломатических отношений между эльфами и людьми. — Луиза, мы же на пороге победы!

— Прости, Тим! — она обернулась на бегу. — Срочно! Очень-очень срочно!

— Но как же заклинание? — крикнула вслед эльфийка Катя. — Без тебя щит рухнет!

— Держите строй! — Луиза махнула рукой. — Я на пять...пятнадцать минут!

Она кинулась в чащу не видя дороги, не разбирая направления, только вперёд, только быстрее. Ветви хлестали по лицу, оставляя царапины, цеплялись за платье, но она не замечала. Внутри всё горело: страх, вина, злость на себя — за

то, что забыла, за то, что не проверила, за то, что попала в эту ловушку между двумя мирами, где ни один не хочет её отпускать.

«Тётушки вложили огромные силы, чтобы воспитать из меня «достойную девушку из хорошей семьи. Их мир — это статус и отсутствие любой эксцентричности. Они скажут: «Что за детский сад? Ты же взрослая женщина!» — и посмотрят... посмотрят не так. С разочарованием...»

— Ай! — она ойкнула, когда ветка хлестнула по щеке, оставив тонкую красную царапину. Но не остановилась. Только вперёд. В ушах стучала кровь, а в голове билась одна мысль: «Успеть переодеться. Успеть. Успеть... Если тётки узнают про ЛАРП, я потеряю и этот островок свободы! Я не вынесу их презрения к тому, что я люблю!».

За спиной остались голоса друзей:

— Куда это Луиза?

— Она же не может нас бросить!

— Может, что-то случилось?

— Да что за срочность посреди осады?! — возмутился организатор. Все относились очень серьезно к игре, и такая выходка могла стоить Луизе членского места.

Но Луиза уже не слышала. Она продиралась сквозь заросли, пригибалась под низкими сучьями, перепрыгивала через корни. Платье цеплялось за колючки, ушки то и дело норовили слететь.

Она выскочила на тропинку, ведущую к общаге, и припу-

стила ещё быстрее. Десять минут. Осталось восемь. В лёгких жгло, ноги дрожали, но она бежала, не сбавляя темпа. На бегу она сунула руку в карман — ключи от квартиры были на месте.

Вылетела к общаге, запыхавшаяся, с раскрасневшимися щеками и растрёпанными волосами. И замерла.

У подъезда стоял Логунов. С цветами. Кого-то ждал, оглядывался по сторонам, нервно поглядывал на часы. Его фигура в чёрной рубашке казалась слишком чёткой, слишком реальной на фоне этого сказочного дня. Он был как нож, которым режут холст — грубо, неожиданно, оставляя дыру, через которую сыплются осколки выдуманного мира.

— Идиот! — прошипела Луиза. — Какого чёрта он тут торчит!

Только этого не хватало! Как проскользнуть мимо? Луиза судорожно сдёрнула эльфийские ушки, спрятала их в карман. Платье белое, заметное...

Через дорогу уже парковалась машина тёток — чёрный седан с личным водителем. Рядом с ними высокий парень в строгом костюме — очередной «перспективный юрист». В груди снова заколотилось — паника и отчаяние.

Что делать? Мысли метались.

Логунов повернулся в её сторону. Увидел. Удивлённо приподнял бровь. Сине-зеленые глаза злорадно сверкнули.

«Была не была!» — Луиза рванула к нему. В голове мелькнула знакомая цитата: *«Я обнимаю своего врага только с це-*

лью задушить его».

Она подскочила, привстала на цыпочки, притянула его за шею и вцепилась в его плечи — и поцеловала. Крепко. По-настоящему. Внутри что-то щёлкнуло, как защёлка на двери, которую только что захлопнули — и обратного пути нет.

Макс опешил. На секунду — на одну бесконечную секунду — он застыл, широко раскрыв глаза. Луиза успела заметить, как дрогнули его ресницы, как зрачки расширились, как на скулах заиграли желваки. А потом он ответил. Не нежно, нет. Грубо, жадно, будто ждал этого всю жизнь, но не смел признаться. Его руки легли ей на талию — сначала неуверенно, потом сильнее, прижимая к себе, и она почувствовала, как мир сузился до точки. Точка была там, где их губы встречались. Всё остальное — тётки, юрист, игра, страх — сгорело, как бумага в пламени.

— Кхм... Луиза! — раздался голос тёти Риты.

Луиза отпрянула, тяжело дыша. Макс смотрел на неё, но не видел — взгляд ушёл куда-то внутрь, как у человека, который пересчитывает убытки.

— Ой... а мы тут... ! — Луиза схватила его за руку, сжала так, что пальцы побелели. — Я забыла, что вы приедете! У нас бал ректорский, мы сейчас на него идём. Простите, что забыла предупредить! Я вас провожу до машины!

— Бал? — переспросила тётя Марина, и её бровь поползла вверх, как шлагбаум перед неминуемой катастрофой. — В таком виде?

Луиза почувствовала, как земля уходит из-под ног. Но вместо ужаса вдруг пришло странное, почти пьянящее спокойствие. Всё равно провал. Всё равно уже не спастись. А значит, можно врать с особым, почти артистическим вдохновением.

— Это специальный костюм для бала! — она отчаянно махнула рукой, и жест вышел таким широким, таким уверенным, что тётя Рита на секунду оторопела. — Тематическая вечеринка. Эльфийская ночь!

— Эльфийская? — тётя Рита недоверчиво прищурилась. В её глазах читалось подозрение. — И почему я раньше не слышала про этот бал?

— Он... он спонтанный! — Луиза нервно рассмеялась. Звук получился слишком резким, неестественным. — Внезапное решение ректората. Все студенты участвуют.

— И ты, конечно, не могла нам сказать? — с иронией заметила тётя Марина. Её тон был холодным, почти ледяным.

— Забыла! — Луиза широко улыбнулась, но улыбка вышла натянутой. — Совсем вылетело из головы. Но мы правда очень опаздываем, так что...

Она буквально вытолкала тёток к дороге, довела их до седана, таратора:

— Строгий дресс-код, нельзя задерживаться!

— А грязь и царапины? — Тётя Рита прищурилась, окинув взглядом её растрёпанный вид.

— Это часть образа... — Луиза запнулась, но тут же до-

бавила: — У меня роль такая.

Тётя Рита хотела что-то сказать, но тётя Марина потянула её за рукав:

— Ну что ж, — сдалась старшая, покачав головой. — Раз уж вы так спешите...

Тёти, сбитые с толку, пошли к машине. Парень-юрист растерянно помахал рукой — его жест вышел каким-то механическим, словно он до конца не понимал, что происходит. Водитель завёл двигатель, и седан тронулся с места, оставляя за собой едва заметный шлейф выхлопных газов.

Луиза выдохнула, чувствуя, как напряжение, сковывавшее мышцы, понемногу отпускает. Спасена. Но тут же похолодела: Логунов явно остался на месте и ждал объяснений. А объяснять она не хотела. Ни про игру, ни про тёток, ни про этого юриста. И особенно про поцелуй. В груди снова зашевелился колючий комок тревоги — теперь к нему добавилось ещё и смущение.

Не говоря ни слова, она рванула за угол общаги. К пожарной лестнице. Ветер, который ещё минуту назад казался тёплым, теперь охлаждал вспотевшую спину. Луиза слышала собственное дыхание — прерывистое, неровное, — и стук сердца, отдающийся в висках.

Логунов повернулся в её сторону. Луиза метнулась за угол, прижалась к шершавой кирпичной стене. Холодный камень коснулся разгорячённой щеки. Она задержала дыхание, прислушиваясь. Шагов не было. Он не заметил её.

Не теряя ни секунды, Луиза побежала к пожарной лестнице. Взгляд метнулся вверх — та висела примерно в двух метрах над землёй, неприступно и холодно поблёскивая металлом на солнце.

Она отступила на пару шагов, примерилась. Луиза глубоко вдохнула, собрала все силы, оттолкнулась — и прыгнула. Мышцы бёдер и пресса напряглись, как натянутые струны. Кончики пальцев коснулись нижней перекладины. Ещё рывок — и она крепко ухватилась за неё, повиснув на руках.

«Получилось! — мелькнуло в сознании. — Теперь надо опустить лестницу».

Луиза подтянулась — раз, второй, третий, — перехватила перекладину повыше, упёрлась ногой в шершавую стену и дёрнула лестницу вниз с такой яростью, будто та была лично Логунов. Механизмы заскрежетали, застонали, как старые суставы, но поддались. Лестница медленно, с достоинством умирающего дракона, опустилась к её ногам. *«Пилатес, — мелькнуло в голове, — вот зачем он. Не для здоровья, а для побега от тётушек и юристов».* Не теряя ни секунды, она начала карабкаться. Пальцы скользили по металлу, покрытому мелкой ржавчиной, оставляя тёмные следы. Ноги дрожали от напряжения, но Луиза упорно поднималась — шаг за шагом, перекладина за перекладиной.

«Ещё чуть-чуть. Третий этаж... Четвёртый... Почти на месте. Быстрее, быстрее!».

Каждый подъём требовал усилий: мышцы горели, дыха-

ние сбивалось, в боку кололо, но она не останавливалась. В ушах стучала кровь, а перед глазами маячила цель — балкон её этажа в подъезде.

Р-р-р-раз! Платье зацепилось за болт на перекладине. Боковой шов разошёлся от бедра до талии с противным треском, который, казалось, услышали все вокруг. Луиза чертыхнулась, но не остановилась. Она рванула ткань, освобождаясь, и почувствовала, как холодный воздух коснулся кожи.

«Неважно, — мысленно отмахнулась она. — Платье — ерунда. Главное — добраться до квартиры. Потом разберусь с этим». Ещё рывок — и она перевалилась через балкон на своем этаже.

Оказавшись на балконе, Луиза отдышалась, тяжело опираясь на перила. Грудь вздымалась, волосы липли ко лбу, а руки дрожали так сильно, что она с трудом поправила платье, пытаясь хоть как-то скрыть разрыв. Осторожно, стараясь не шуметь, пробралась в коридор. Дверь в одну из квартир была приоткрыта — соседка Вика стояла на пороге, вытаращив глаза. Её брови почти сошлись на переносице, а рот приоткрылся в немом изумлении.

— Луиза... — прошептала Вика, разглядывая её наряд. Взгляд соседки скользнул по растрёпанным волосам, по порванному платью. — Ты что, с маскарада?

— Почти, — выдохнула Луиза, проскальзывая внутрь. Она старалась говорить спокойно, но голос всё равно дрожал. — Долго объяснять.

Нащупав ключи в кармане платья, которое она ухитрилась не потерять во время безумного бегства, Луиза дрожащими пальцами вставила ключ в замочную скважину. Пальцы не слушались — то соскальзывали, то слишком сильно давили, и ключ скрежетал по металлу.

«Ну же, давай! — мысленно подгоняла она себя. — Вставь, проверни, открой!»

Наконец раздался щелчок. Луиза толкнула дверь, проскользнула внутрь, захлопнула её, прислонилась к ней спиной и сползла на пол. Сердце колотилось как сумасшедшее — его удары отдавались в ушах, а дыхание всё никак не могло выровняться. Всё. Она дома. Тётки, Логунов, юрист — всё осталось снаружи. Её сумка и нормальная одежда остались у организаторов игры, но сейчас это казалось такой мелочью.

Луиза глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться, втягивая знакомый запах квартиры — с нотками лаванды от ароматической свечи, которую она зажигала вчера вечером. Этот обыденный аромат вдруг ударил по нервам: контраст между безумной гонкой и тихой повседневностью был слишком резким.

Но стоило перевести дух, как на неё нахлынуло осознание того, что она только что сделала. Поцеловала Логунова. Просто так, спонтанно, чтобы выкрутиться перед тётями.

Луиза закрыла лицо руками. Какой ужас. Что он теперь подумает? А если он расскажет кому-нибудь? В воображе-

нии тут же замелькали картинки: смеющиеся лица однокурсников, шёпотки за спиной, осуждающие взгляды. Щеки снова вспыхнули, на этот раз от стыда.

Вдруг тишину разорвал звонкий лай — радостный, залихватистый, полный восторга. Из глубины квартиры к ней неслась Коричка с пушистым хвостом, закрученным бубликом.

Коричка мчалась так быстро, что лапы разъезжались на гладком ламинате — она то скользила, то подпрыгивала, не в силах сдержать радость. Добежав до Луизы, собачка встала на задние лапки, передние положила ей на колени и начала отчаянно тыкаться мокрым носом в ладонь, поскуливать и лизать пальцы.

— Коричка, моя хорошая! — Луиза не выдержала и рассмеялась сквозь слёзы. Она подхватила собачку на руки, прижала к груди и зарылась лицом в мягкую, пахнущую собачьим шампунем шерстку.

— Ну всё, всё, — Луиза погладила шелковистые ушки, почесала за ухом. — Я дома. Видишь? Всё хорошо.

Мысли путались, сталкивались друг с другом, не давая сосредоточиться. Она встала, подошла к зеркалу. Волосы растрёпаны, щёки красные, платье порвано. Выглядит как безумная.

Стянув платье, Луиза бросила его на стул. Ткань безвольно повисла, как сброшенная кожа змеи — только эта змея не выросла, а просто испугалась. Белое, с серебряной вышивкой, порванное у бедра, с пятнами земли на подоле — оно

выглядело как трофей после битвы, которую она выиграла, но не помнила как. Луиза смотрела на него и вдруг подумала: «Я только что поцеловала Логунова. И мне не было противно. Мне было...» Она не нашла слова.

«Ну и день! — подумала Луиза — Завтра точно будет что рассказать психологу...»

Она тихо рассмеялась, но смех получился немного нервным. В голове проносились эпизоды дня: весёлая игра у водохранилища, внезапный звонок тёти, безумная гонка к общаге, неловкая встреча с Логуновым, отчаянный подъём по пожарной лестнице... И этот поцелуй.

«Интересно, как это описать? — размышляла Луиза. — Я поцеловала моего врага, чтобы убедить тётку, что иду на бал?».

Коричка подняла голову и вопросительно посмотрела на Луизу своими чёрными бусинками глаз.

— Да, Коричка, — тихо сказала Луиза, почесав шпича за ухом. — Представь себе: я поцеловала Логунова. Разве это не абсурд?

Собачка тихо твякнула, будто соглашаясь, и снова положила голову на лапы. Луиза вздохнула. И платье было жалко — сил сколько в него вложено, а теперь хоть на тряпки режь.

Глава 13

В это утро потребовалось больше усилий, чем когда-либо,

голова болела, и у нее возникло беспокойное чувство, что произошло что-то, чего не должно было произойти. Пальцы слегка дрожали, когда она брала чашку с блюдцем и подносила к губам. Она поднесла кружку к губам, сделала глоток — и не заметила, что обожглась. Мысли были слишком далеко.

Предстоял воскресный поход к психологу — ритуал, который она соблюдала уже несколько лет. Но сегодня идти пешком не было никаких сил.

— Дядя Коля, — набрала она номер водителя, — будьте добры, подъезжайте, пожалуйста. Да, прямо сейчас. Мне к психологу, в клинику на Лесной. Спасибо, жду!

Через десять минут у подъезда остановился знакомый серебристый седан. Дорога в клинику показалась бесконечной. Луиза смотрела в окно, но видела не дома и деревья, а его лицо. Логунов, его глаза — сначала удивлённые, потом... что? Она не знала. Она не успела разглядеть. В голове прокручивалась одна и та же плёнка: вот она подбегает, вот встаёт на цыпочки, вот его губы — тёплые, чуть шершавые, совсем не такие, какими она их представляла. «А я их представляла? — удивилась она сама себе. — Когда? Зачем?» Плёнка заедала на этом кадре, и Луиза не могла её остановить.

Кабинет Анны Сергеевны встретил привычной тишиной. Она опустилась в кресло — то самое, продавленное, в котором просидела уже сотни часов. Оно приняло её форму, как старая перчатка принимает руку. И сегодня это почему-то

раздражало. Будто кресло знало о ней больше, чем ей хотелось бы.

Психолог дождалась, пока Луиза сядет, и мягко спросила: — Луиза, сегодня вы выглядите особенно напряжённой. Что вас беспокоит?

Молчание затянулось.

— Я... вчера поцеловала Логунова, — выпалила она наконец. Слова вылетели пулей, но вместо облегчения пришло странное, почти физическое ощущение: будто она сбросила с плеч тяжёлый мешок, но внутри остался ещё один, меньшее, и его тоже придётся снимать.

Анна Сергеевна слегка приподняла бровь, но ничего не сказала — только кивнула, предлагая продолжить.

— Он заноза в заднице, — грубо добавила Луиза. — По крайней мере, я так всегда думала. Заносчивый, самодовольный, вечно всех поучает. Но... — она запнулась, — но в тот момент, когда я его поцеловала, я почувствовала... влечение.

Она подняла глаза на психолога, ожидая осуждения или насмешки. Но Анна Сергеевна лишь слегка наклонила голову:

— Расскажите подробнее про тот момент.

Луиза закусил губу, вспоминая.

— Сначала паника. Тётки приехали, я не готова, выгляжу как сумасшедшая эльфийка... А он стоит с цветами, смотрит на меня. И вдруг я поняла, что если не сделаю что-то

безумное, всё рухнет. Поцелуй был как спасательный круг. Но потом... потом я почувствовала, что мне понравилось. И это неправильно! Потому что он — это он!

Психолог кивнула, сделала пометку в блокноте.

— Луиза, давайте разберёмся. Вы действовали импульсивно, чтобы выйти из сложной ситуации. Это нормально — в стрессе мы ищем быстрые решения. Но реакция вашего тела — это отдельный процесс. Влечение не всегда означает, что человек идеален или даже нравится вам во всём.

— Он же меня раздражает!

— И это тоже нормально, — мягко улыбнулась Анна Сергеевна. — Противоречивые чувства часто сопровождают сильные эмоции. Возможно, вас привлекает именно то, что он не похож на вас. Или то, как он реагирует на ваши выходки.

— Он вообще никак не реагирует! — возразила Луиза.

Анна Сергеевна откинулась на спинку кресла и продолжила:

— Во-первых, дайте себе право чувствовать то, что чувствуете, без осуждения. Не нужно делить эмоции на «правильные» и «неправильные». Во-вторых, попробуйте отделить ситуацию от личности. Поцелуй был способом решения проблемы, а не признанием любви. И в-третьих, подумайте вот о чём: что именно в поведении Макса вызывает у вас такую сильную реакцию? Что он делает или говорит, что задает вас? Возможно, за раздражением скрывается интерес.

— Но ведь он... он же всё время меня задевает, — медленно проговорила она. — Специально. Я не понимаю, почему в тот момент мне вдруг стало так...

Анна Сергеевна слегка наклонила голову, внимательно слушая.

— Луиза, а что, если дело не в Логунове как таковом, а в ситуации? — мягко спросила она. — В тот момент вы были в панике, чувствовали себя загнанной в угол. А он оказался единственным человеком рядом — точкой опоры, пусть даже неожиданной. Поцелуй стал не признанием симпатии к нему, а криком о помощи, выраженным через физический контакт.

Луиза нахмурилась, обдумывая слова психолога.

— То есть вы хотите сказать, что это не влечение к Максусу, а просто реакция на стресс?

— Возможно, и то, и другое, — улыбнулась Анна Сергеевна. — В стрессе наши защитные механизмы ослабевают. И тогда наружу может вырваться то, что мы обычно тщательно скрываем. Может, где-то глубоко вы всё же видите в нём не только обидчика? Или, скажем, вас задело, что такой человек, как товарищ Логунов, обратил на вас внимание через насмешки?

— Он же меня раздражает! — Луиза сжала кулаки.

— Мой совет: не сопротивляйтесь тем ощущениям, которые у вас возникли. Даже если они кажутся вам странными или неуместными. Разберитесь, что именно они означают

для вас лично. И помните: вы имеете право на любые эмоции, пока они не вредят вам и окружающим.

Луиза вспомнила губы Логунова — на мгновение такие мягкие и тёплые. Вспомнила его запах: чистой одежды, кожи и какого-то свежего парфюма, словно морозный воздух после грозы. Однако, заметив, куда завели её мысли, она поспешно оборвала это опасное воспоминание. Подобные размышления, не доводят до добра.

«Забывать», — твёрдо сказала она себе — и, надо отдать ей должное, в ту минуту она действительно верила, что это возможно.

Глава 14

Понедельник начался как обычно: кто-то забежал на лекцию с бутербродом, кто-то искал ручку на дне рюкзака, кто-то уже смеялся в конце коридора над тем, что вчера прислали в общий чат. Эта предлекционная суeta — топот, хлопанье дверей, обрывки фраз — была бессмысленна для постороннего уха, но свои её понимали.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие окна, расчертили пол на золотистые квадраты. В воздухе, среди прочего, витал запах свежесваренного кофе из автомата в холле — запах, способный примирить с самим фактом раннего подъёма.

Подруги, собравшись перед началом лекций, обменива-

лись новостями выходных с особенной оживлённостью, какая бывает только у тех, кому, в сущности, не о чем сообщить, но хочется говорить.

Луиза почти их не слушала — их голоса доносились как сквозь вату, а мысли крутились вокруг одного: что скажет Максим? Вдруг проболтается? Или всем растреплет про костюм эльфа? Внутри всё сжималось в тугую, холодный комок — как будто она проглотила лёд и теперь он медленно таял в животе, растекаясь липким страхом. Она то и дело бросала взгляды в сторону лестницы, ожидая его появления, и каждый раз, когда кто-то спускался — не он, не он, опять не он, — сердце пропускало удар, а потом начинало биться так часто, что становилось трудно дышать. Пальцы теребили край блузки, и на светлой ткани уже образовалась маленькая складка — как след от её тревоги.

Макс пришёл с опозданием — как всегда, небрежно закидывая рюкзак на плечо, взъерошивая тёмные волосы одним движением, будто ему было безразлично, как он выглядит. Прошёл мимо, бросил на Луизу короткий взгляд — и промолчал. Ни привычной усмешки, ни едкого комментария, ни даже ленивого «доброе утро» с издёвкой. Ничего.

Луиза растерялась. Она ждала удара — а он прошёл мимо, даже не замахнувшись. И это было страшнее. Потому что тишина перед бурей всегда тяжелее самой бури. Внутри зародилось тревожное предчувствие — холодное, как змея, которая свернулась в груди и ждала, когда можно будет укусить.

Весь день он вёл себя странно: не подкалывал, не отпускал колких замечаний в её адрес, как делал обычно. Лишь иногда она ловила на себе его задумчивый взгляд — и тут же отводила глаза, чувствуя, как внутри всё сжимается. В эти мгновения воздух будто сгущался, становился тяжелее, а тишина между ними наполнялась невысказанными словами.

Луиза тоже была непривычно молчалива на семинаре. Она старалась сосредоточиться на теме занятия — преподаватель монотонно рассказывал о символизме в архитектуре, — но мысли то и дело возвращались к субботнему поцелую. Перед глазами всплывали детали: его губы — тёплые, совсем не холодные и насмешливые. Растерянное выражение лица — на секунду он стал не всезнайкой Логуновым, а просто растерянным парнем, который не знал, что делать. И то, как он замер — на мгновение, на одно бесконечное мгновение, — прежде чем ответить. Будто время остановилось и дало ему шанс отступить. Но он не отступил.

Жар поднялся от шеи к вискам, заставляя кровь стучать в ушах. «Прекрати, — приказала она себе. — Это был просто поцелуй. Просто. Случайный. Ничего не значащий». Но тело не слушалось.

— Лу, ты сегодня какая-то тихая, — заметила Оля. Её голос прозвучал слишком громко в ушах Луизы. — Всё в порядке?

— Да, просто задумалась, — Луиза натянуто улыбнулась, стараясь, чтобы голос не дрожал. — О семинаре.

Она машинально открыла конспект, провела пальцем по строчкам, но буквы расплывались перед глазами.

Лекции тянулись мучительно долго. Каждая минута казалась часом, каждая фраза преподавателя — бесконечной. Луиза сидела у окна, листая конспект, но не видя букв. Мысли снова и снова возвращались к утренней встрече с Логуновым. Она помнила его взгляд — непривычно серьёзный, изучающий, будто он пытался разгадать какой-то секрет. От этого становилось не по себе.

Макс, вопреки самому себе, всё время оказывался в тех коридорах, где ходила Луиза. После первой пары он дежурил у дверей — она вышла через запасной, мелькнув за углом. У кафетерия он торчал полперемыны — она прошла мимо, даже головы не повернув.

«Плывать», — решил он. И тут же пошёл искать её снова.

Рядом с Луизой всё время были её подруги — весёлые, шумные, они буквально окружали её, смеялись, что-то оживлённо обсуждали. Он хмурился, отходил, ждал — и снова возвращался, нервно постукивая пальцами по бедру. Внутри всё бурлило: раздражение на неё за то, что она его избегает, любопытство — зачем она его поцеловала, и какая-то странная, незнакомая обида. Будто она украла у него что-то и не вернула.

«Что со мной не так? — раздражённо думал он, прислонившись к стене у кафетерия и делая вид, что листает телефон. — Почему я трачу время на эту идиотскую игру в

прятки? Она просто девчонка. Выскачка с дурацким именем. Плевать мне на неё».

Но ноги сами несли его туда, где она могла появиться. И это бесило больше всего. Наконец ему удалось застать её одну в коридоре. Луиза как раз выходила из поворота и буквально наткнулась ему на грудь.

— Луиза, — голос Макса прозвучал непривычно серьёзно, без обычной насмешливой нотки. — Я хочу объяснений. Что это было в субботу?

Она отступила на шаг и замерла, как теннисистка перед подачей. В груди закипала злость, но злость была только ширмой. Под ней, глубже, колотилось что-то другое: паника, стыд и ещё — странное, не вовремя пришедшее — удовольствие от того, что он её ищет. Что он не прошёл мимо. «Объяснений? — пронеслось в голове. — Да с какой стати я должна перед ним отчитываться? Он что, думает, я буду оправдываться?»

— Объяснений? По поводу чего? Ничего не было. И даже если было, это не твоё дело.

Её тон был резким, почти грубым, а глаза сверкнули вызовом. Макс на мгновение опешил. Он хотел сказать, что на самом деле восхищён её образом — он тоже любил эту книгу и этого персонажа, и ему понравилось, как Луиза воплотила его. Но слова застряли в горле.

— Я просто хотел уточнить: тот спектакль в субботу — это была премьера или генеральная репетиция? — произнёс

он, стараясь придать голосу лёгкости, но получилось слишком язвительно. Внутри всё сжалось: он знал, что прозвучало грубо. И пока Луиза молчала, он уже жалел. Жалел, что не сказал правду. Жалел, что не смог быть хотя бы на минуту искренним. Луиза чуть склонила голову, её глаза сверкнули ледяным сарказмом.

— О, вы оценили актёрскую игру? — произнесла она медленно, растягивая слова. — Жаль, что рецензия запоздала на несколько дней. Обычно я жду отзывов сразу после занавеса.

Макс почувствовал, что теряет контроль над ситуацией — обстоятельство, которое он не выносил ни в себе, ни в других. Он глубоко вдохнул, надеясь, что это поможет вернуть самообладание. Пальцы, предательски сжавшиеся в кулаки, он спрятал в карманы — пусть думает, что ему всё равно.

Он сделал шаг вперёд, пытаясь сохранить самообладание, но голос всё равно прозвучал раздражённо:

— Ты намеренно искажаешь мои слова?

Луиза не отступила. Напротив, она выпрямилась, расправила плечи и посмотрела ему прямо в глаза.

— О нет, — сказала она с притворной кротостью, — я просто транслирую их в оригинальной озвучке. Без цензуры.

На мгновение между ними воцарилась тишина — неловкая, какая бывает, когда двое людей одновременно понимают, что сказали лишнее. Луиза слышала собственное дыхание, слишком частое для простого разговора, и сердце, которое, казалось, отбивало где-то в горле. Макс не шелохнулся.

Потом медленно выдохнул — как будто только что решил не убивать. Он и сам не мог бы объяснить, почему эта девчонка выводит его из себя с такой лёгкостью. «Подумаешь, поцеловала, — мысленно огрызнулся он, хотя в глубине души понимал, что это «подумаешь» не имеет никакого отношения к правде. — Ну и что?»

— Кстати, костюм был ничего, — бросил он, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно. — Но в следующий раз попробуй орка — будет больше похоже на реальность.

Он резко развернулся и зашагал прочь, не дожидаясь ответа. Ему было досадно — на неё, но ещё больше на себя за то, что эта нелепая ситуация вообще смогла его задеть. Он знал одно: если останется ещё на минуту, скажет что-нибудь ещё более глупое.

Он направился в аудиторию. Внутри всё кипело и ему нужно было выпустить пар.

Макс вошёл в аудиторию, и Луиза почему-то сразу поняла — сейчас что-то будет. Он оглядел всех — и сказал, чуть повысив голос, как будто приглашал на экскурсию:

— Эй, народ, видели Луизу в субботу? В костюме эльфа!

Он картинно развёл руками, изображая крылья — нелепо, по-детски, но в этой нелепости было что-то жестокое. И фыркнул:

— Честно говоря, выглядело как утренник в детском саду. Только бантиков не хватало.

Смех взорвался не сразу. Сначала — секунда тишины, когда все переваривали услышанное. А потом — волна. Кто-то хлопнул ладонью по столу, кто-то засмеялся так, что закашлялся, кто-то просто уткнулся в тетрадь, плечи тряслись.

— Луиза? В костюме эльфа? — удивлённо переспросила Вика Сорокина, округлив глаза. — Да ладно! Серьёзно?

Луиза стояла в дверях и с удивлением заметила, что кровь отлила от её лица — явление, о котором она прежде только читала в романах. В груди возникло странное ощущение пустоты; ни боли, ни страха, только понимание, что опора ушла из-под ног, и она летит вниз.

«Он рассказал, — сказала она себе тем ровным, почти безразличным тоном, какой бывает у человека, который уже знает худшее. — Он рассказал всем».

— Луиза, скажи честно, ты пыталась вызвать своего патронуса? — хихикнул Стасик.

Внутри Луизы всё закипело. «Идиот! Он даже не понимает, что сморозил глупость — патронусы были из другой вселенной, не из той, где эльфы. Но какая разница? Для них всё фэнтези на одно лицо: эльфы, патронусы, заклинания — всё в кучу, всё смешно, всё достойно насмешек».

Она бросила короткий взгляд на Стаса — тот стоял, широко улыбаясь, довольный своей шуткой, и ждал её реакции.

— Луиза, ты ещё этим увлекаешься? — прозвучал голос Ани.

Луиза замерла. Аня. Бывшая подруга. Та, которая ко-

гда-то сама привела её в клуб ролевых игр. Вместе выбирали ткани для костюмов, вместе репетировали сцены, вместе мечтали о большом фестивале. А потом Аня «переросла». Переросла — как перерастают старые игрушки. И теперь смотрела на Луизу с брезгливым любопытством, будто та была экспонатом в музее забавных чудачеств.

«Ты же знаешь, — хотелось крикнуть Луизе. — Ты же сама была там. Ты же понимаешь, что это не глупость. Это — я». Но она промолчала. Только сжала челюсть так, что заняли зубы.

— Или это был обряд инициации в тайное общество ботаников? — подхватил Макс.

— Слушайте, а если она и на экзамен так придёт? — засмеялся Игорь Соколов.

Она почувствовала себя голой посреди людной площади — не физически, а душевно. Её секрет высмеян. Её «потайная комната», куда она никого не пускала — даже подруг, — вдруг оказалась с распахнутыми настежь дверями.

И тут, в этой пустоте, её настигла мысль, которую она гнала от себя всё это время: а вдруг они правы? Вдруг её увлечение — действительно глупое, инфантильное, недостойное взрослой женщины? Она всегда презирала мнение окружающих — но если этот смех, этот презрительный шёпот окажутся правдой, что тогда останется от неё самой?

Логунов получил в руки идеальное оружие. Не только против её репутации — против самого её я. Она боялась

не просто насмешек. Она боялась, что он увидел её настоящую, без брони. А настоящая — в его глазах — стала «смешной эльфийской принцессой». И он, даже не понимая этого, осквернил единственное пространство, где она разрешала себе не защищаться. «Словно ворвался в её спальню и принялся тыкать пальцем в личный дневник».

Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Луиза глубоко вдохнула — медленно, чтобы унять дрожь в коленях, чтобы воздух вошёл в лёгкие не рваным комком, а ровной, холодной струёй.

И вдруг что-то переключилось внутри. Мир вокруг словно притих: смех однокурсников отдалился, превратился в белый шум. Взгляд, прежде рассеянный, стал острым и ясным. Страх не ушёл — он переплавился во что-то другое. В злость. В решимость. В холодное, спокойное: «Ты пожалеешь, Логунов».

И мысленно, чётко, как приговор, произнесла: «Значит, война». Слова прозвучали в голове глухо, но весомо — как удар молота по наковальне.

Луиза развернулась и вышла из аудитории. За порогом она на мгновение остановилась, глубоко вдохнула прохладный воздух коридора и улыбнулась. Где-то внутри всё ещё kloкотала энергия, но теперь она не жгла, а согревала, давала опору.

Подруги выбежали за ней вместе с ее вещами — Оля и Маша, две неразлучные тени, всегда рядом, всегда готовы

подхватить, если пошатнётся.

— Луиза, это правда? — тихо спросила Оля, осторожно коснувшись её плеча. В её глазах читалась смесь недоверия и беспокойства. — Ты была в костюме эльфа?

— Да, — коротко ответила Луиза, не сбавляя шага.

— Это что за костюм? — подхватила Маша, заглядывая подруге в лицо. — Какой-то маскарадный?

Луиза остановилась, обернулась к ним. Где-то внутри всё ещё клокотало от унижения, но рядом с подругами напряжение понемногу отпускало.

— Не маскарадный, — медленно начала она. — Это был костюм эльфа из «Сумеречных хроник». Я шила его сама. Три недели. Плащ с серебряной вышивкой, уши — настоящие, гибкие, с внутренней опорой, чтобы не падали. Я вложила в него столько сил. Я состою в клубе ЛАРП.

— Чего? Что это еще такое? — удивилась Оля.

— Секта? — испуганно спросила Маша.

— Нет, переводится как «ролевая игра живого действия». — устало сказала Луиза. — Суть в том, что участники не просто описывают действия своих персонажей, а физически их воплощают — действуют в соответствии с выбранным образом.

Оля и Маша замерли, раскрыв рты.

— Лу... — прошептала Оля. — Ты нам не говорила...

— Я боялась, — призналась Луиза, опуская глаза. — Боялась, что вы скажете: «Луиза, ну сколько можно играть в

эти сказки?»

«Сказки, — мысленно повторила Маша. — Эти игры прекрасная возможность забыться...».

Вместо этих слов, Маша резко обняла её, крепко прижала к себе:

— Дурочка ты, — прошептала она. — Мы бы никогда так не сказали. Наоборот, мы бы восхитились! Ты же такая мастерица!

Луиза выпрямилась. Внутри всё ещё кипела обида, но теперь к ней примешалось что-то новое — уверенность.

— Давайте поедем ко мне. — предложила Оля. — Родители на работе до вечера. У меня море вкусной еды в холодильнике. Николай Николаевич может нас отвезти? Не хочу ехать в общественном транспорте!

— Я его наберу. — сказала Луиза и попросила подъехать водителя.

Николай Николаевич, как она знала, жил в квартире, принадлежавшей тётушкам, — неподалёку, чтобы всегда быть под рукой. Официально — для присмотра. Неофициально — чтобы она, не дай бог, не сбежала с каким-нибудь цыганским бароном.

— У вас пары закончились раньше обычного? — заметил дядя Коля, поглядывая в зеркало заднего вида.

— Преподаватель не пришёл, и нас отпустили, — не моргнув глазом, соврала Оля с такой чистой улыбкой, будто сама святость решила прогулять лекцию по философии.

Водитель кивнул и тронулся с места — маршрут до дома Оли он знал наизусть, как и все выбоины на дороге. Путь пролегал через улицы, где асфальт, видимо, ещё помнил послевоенное восстановление: машина то подпрыгивала на очередной яме, то плавно объезжала её, словно опытный танцор. Вдоль дороги тянулись старые липы, чьи ветви время от времени стучали по крыше автомобиля.

Наконец они свернули в тихий двор, обрамлённый домами сталинского периода — монументальными, с высокими потолками и лепниной над подъездами. Дом Оли возвышался среди них, как генерал среди солдат: солидный, с колоннами у входа и окнами.

Подруги поднялись на третий этаж — лифт, конечно, был, но предпочитал отдыхать чаще, чем работал, поэтому лестница с широкими ступенями и витиеватыми перилами стала привычным маршрутом.

Квартира Оли, где она жила с родителями, была типичным образцом «сталинки»: просторные комнаты, высокие потолки с остатками былой лепнины (кое-где она осыпалась, создавая абстрактные узоры), массивные двери с латунными ручками, которые блестели так, будто их натирали каждый день в надежде, что это добавит квартире ещё немного респектабельности. На полу лежал паркет, уложенный ёлочкой.

Из прихожей подруги прошли на кухню. Свет из большого окна падал на стол, накрытый скатертью с цветочным узором. На подоконнике стояли горшки с фиалками, а на стене

висел календарь с котиками.

Подруги открыли холодильник и принялись доставать домашнюю еду: запечённую курицу, салат с крабовыми палочками, пирог с яблоками. Пахло так, что слюна набегала даже на сытый желудок.

— Ну и тип этот Логунов! — возмутилась Маша. — Больше он мне даже не симпатичен.

Луиза лишь усмехнулась про себя: она была уверена, что Маша всё равно от него без ума — просто сейчас она демонстративно «разочаровывается».

Оля тем временем разлила вино по бокалам — бокалы, кстати, были из сервиза «для особых случаев», который доставали раз в полгода. Она аккуратно поставила каждый бокал на салфетку, поправила скатерть и, удовлетворённо кивнув, откинулась на спинку стула. Вдоволь наругав Логунова и наградив его неприятными эпитетами, Оля вздохнула и, глядя в свой бокал, задумчиво произнесла:

— А знаете, Логунов — это ещё цветочки. У меня на днях случилось кое-что по-настоящему неприятное... — Она подняла глаза на подруг. — Я вам сейчас расскажу про своё неудачное воскресное свидание.

Она подалась вперёд так резко, что чуть не опрокинула бокал с вином. Тот, впрочем, устоял — видимо, тоже был возмущён историей и решил дослушать до конца.

Оля сделала глоток, задумчиво покрутила ножку бокала в пальцах, словно собираясь с мыслями. Маша тут же переста-

ла хмуриться и повернулась к подруге, забыв про пирог. Луиза тоже выпрямилась, приготовившись слушать — её глаза уже блестели предвкушением.

— В воскресенье один тип пригласил меня в галерею, — начала Оля, слегка закатив глаза. — И сразу попросил купить билет самой. Я купила — подумала, может, у человека нет денег. Зато рассказывал про картины очень интересно, я даже увлеклась. — Я кивала, делая вид, что понимаю разницу между инсталляцией и перформансом, — продолжала Оля, жестикулируя. — А сама думала: «Господи, да это же просто стул, обмотанный гирляндой!» Но вслух, конечно, восхищалась. Дальше мы пошли в кафе, и всё шло неплохо.

Оля на мгновение замолкла, вспоминая, и провела пальцем по краю бокала.

— Но потом... — она сделала драматическую паузу и вздохнула так тяжело, будто заново переживала эту трагедию. — Он попросил официанта разделить счёт.

— О боже, — прошептала Луиза, прижимая руку к груди и широко раскрывая глаза. — Какой ужас. Ты выжила после такого?

— Едва-едва, — серьёзно кивнула Оля, прикладывая ладонь ко лбу в театральном жесте. — Я, естественно, заплатила за себя. И знаете, что он сделал? Посмотрел на меня с таким восхищением, будто я только что спасла мир от апокалипсиса, и прочитал целую лекцию про «тарелочниц»! Распинался минут пять: мол, какие они ужасные, вечно хотят,

чтобы за них платили, а я такая молодец — не из этих. Представляете? Будто это какой-то подвиг — заплатить за собственный кофе и сэндвич с ветчиной, который даже не был с трюфелем!

Маша не выдержала и расхохоталась, но быстро прикрыла рот салфеткой, чтобы не разбрызгать крошки. Луиза фыркнула так громко, что одна из фиалок на подоконнике, кажется, слегка поникла от солидарности, а календарь с котиками на стене осуждающе качнулся.

— Потом мы вышли из кафе, — продолжала Оля, немного понизив голос и наклоняясь ближе к подругам. — И когда он полез ко мне целоваться, я высказала всё, что думаю о парнях, которые так себя ведут и ещё смеют называть женщин «тарелочницами». — Мы же друзья? Вот и провели время как друзья. Нечего лезть с поцелуями — прими дружеский совет.

— Получается, он хотел, чтобы ты была «не такой», но при этом сам вёл себя так, будто ты ему что-то должна, — сказала Луиза, покачивая бокалом и разглядывая вино на свет. — Классическая защита от собственной жадности: «Я не жадный, она просто меркантильная!»

Маша перестала смеяться и задумчиво откусила кусок пирога.

— Знаешь, — сказала она, — я понимаю твою обиду. Но вот не согласна с вами! Почему бы и не делить счёт напополам? Это же нормально — каждый платит за себя. Особенно

на первом свидании.

Оля откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди:

— Но не когда ты сам пригласил девушку, а потом делишь счёт и ещё читаешь лекции о «тарелочницах». Это не равноправие, а лицемерие чистой воды.

Луиза рассмеялась и подняв бокал, провозгласила:

— За то, чтобы все будущие кавалеры понимали разницу между щедростью и дешёвым расчётом!

Подруги чокнулись бокалами, и звон стекла эхом разнёсся по уютной сталинской квартире.

Луиза слегка встряхнула головой, отгоняя мысли о Логунове. Ей больше не хотелось обсуждать его с подругами — она и так знала, что легко его сможет проучить. Вместо этого она улыбнулась, подняла бокал выше и предложила второй тост:

— Давайте лучше за нас! За то, что мы умеем вовремя сказать «нет» — и не чувствуем себя виноватыми. За то, что ценим себя и не позволяем кому-то вешать на нас ярлыки. И за то, что мы есть у друг у друга!

— Точно! — подхватила Оля. — И за то, чтобы наши следующие свидания были с теми, кто понимает разницу между дружбой и романтикой.

Бокалы встретились, и в этом звоне потонули последние обиды.

Глава 15

В университет Луиза оделась с особой тщательностью. Больше никаких серых юбок — этих молчаливых свидетелей её прежних дней смирения и «не выделяться». Теперь только лучшие наряды, которых у неё было вдоволь.

Она остановилась на шпильках и коротком жёлтом платье — ярком, как солнечный зайчик, и дерзком, как её новое строение. «Платье мести» — ещё один экземпляр в длинной галерее женских мщений, от Медеи до Скарлетт О'Хара.

Схватив сумку, она бросила последний взгляд на себя — платье сидело идеально, шпильки добавляли роста и без того длинным ногам, а в глазах уже плясали озорные искорки — и решительно вышла из квартиры.

У входа в университет уже толпились студенты. Знакомые лица оборачивались, шептались, кивали. Луиза шла сквозь этот коридор внимания с высоко поднятой головой. Маша, ждавшая у крыльца, увидела её издали и распахнула глаза:

— Луиза! — воскликнула она, подбегая. — Ты... ты просто сияешь! Что случилось? Ты решила объявить войну серости?

— Именно, — улынулась Луиза, поправляя ремешок сумки. — Война серости и скуке объявлена. И первое сражение — сегодня.

Маша захохотала и подхватила подругу под руку:

— Тогда идём, генерал! Пусть трепещут!

Никто не вспомнил про «Эльфийскую историю» — она была забыта от шока однокурсниками. История словно растворилась в воздухе, вытесненная новым образом — яркой, уверенной девушки в жёлтом платье.

Логунов замер, разглядывая Луизу, — его брови удивлённо поползли вверх, а губы на мгновение приоткрылись, будто он хотел что-то сказать. Но он промолчал. Ни едкой шутки, ни насмешливого комментария — впервые за долгое время он не подшучивал над ней. В его взгляде читалось нечто новое: не пренебрежение, а... интерес? Изумление? Луиза не могла разобрать, но это заставило её сердце на секунду сбиться с ритма.

Луиза знала, что Логунов приезжал на машине в университет — на хорошей, блестящей иномарке, которой так гордился. Чёрный внедорожник с хромированными ручками и логотипом премиум-бренда на решётке радиатора. «Вот она, его слабость, — думала Луиза, глядя, как Логунов паркуется у входа. — Он так ею гордится, будто это не машина, а символ его превосходства. Ключи. Мне нужны его ключи». Раньше она смотрела на этот внедорожник с досадой — ещё одно доказательство того, что Макс всегда получает всё, что захочет. Теперь же он станет её оружием.

План созрел мгновенно, но реализовать его оказалось сложно. В понедельник она попыталась стащить ключи от машины из сумки — Логунов небрежно бросил её на парту перед парой, и Луиза на секунду замерла, оценивая шансы.

Пальцы уже потянулись к замку, но в этот момент в аудиторию ввалилась группа однокурсников — громко, шумно, с хохотом и хлопками по спинам. Пришлось резко отдернуть руку и сделать вид, что она просто поправляет стопку тетрадей.

Во вторник Луиза пришла в новой яркой одежде — красном платье с расклёшенной юбкой и бежевых туфлях на среднем каблуке. Парни-однокурсники оживились: кто-то сделал комплимент её причёске, кто-то восхитился цветом платья, а Игорь предложил проводить до аудитории.

— Луиза, ты сегодня просто огонь! — подмигнул Стас.

— Да, выглядишь потрясающе, — поддержал его Артём, слегка краснея.

Но Логунов лишь скользнул по ней взглядом и отвернулся, будто она была невидимкой. Он стоял в окружении своих приятелей и что-то оживлённо им рассказывал, время от времени бросая короткие взгляды в её сторону — но не с интересом, а скорее с недоумением, словно пытался понять, что она вообще здесь делает.

Макс не расставался с ключами ни на секунду. То крутил их на пальце, то бросал в карман и проверял, на месте ли они. Он словно чувствовал опасность — или просто стал осторожнее после того поцелуя? Луиза ловила на себе его взгляды — короткие, изучающие, — и отводила глаза, делая вид, что полностью поглощена конспектом.

Среда принесла новую возможность. После семинара Ло-

гунов оставил ключи на столе в аудитории. Луиза замерла, сердце забилось чаще. Всего несколько шагов — и она могла бы схватить связку, спрятать в карман... Но рядом сидела Оля, которая вдруг решила обсудить с ней проект.

— Лу, посмотри, тут у меня не сходится нагрузка на несущую стену...

— Да-да, сейчас, — Луиза натянуто улыбнулась, краем глаза следя за ключами.

Оля что-то чертила на листе, увлечённо объясняла, а Луиза кивала, не слыша ни слова. Ключи лежали так близко — серебряный брелок в форме буквы «L» поблёскивал в свете лампы. Но стоило ей чуть наклониться, как Оля подняла голову:

— Ты меня слушаешь?

— Конечно, — Луиза заставила себя сосредоточиться на чертеже. — Давай разберёмся с этой стеной.

Когда Логунов вернулся, ключи были на месте. Он небрежно схватил их, бросил в карман.

В четверг Луиза решила действовать иначе. Она проследила, как Макс припарковался, отметила, где он спрятал ключи (в боковой карман куртки), и стала ждать. После пары он задержался у кафедры, обсуждая что-то с преподавателем. Идеальный момент. Луиза медленно прошла мимо, чуть задев его куртку. Ничего. Ещё раз — чуть сильнее. И снова неудача.

Она уже почти отчаялась, когда в пятницу заметила, что

Логунов оставил куртку в аудитории, а сам ушёл в буфет. «Сейчас или никогда», — подумала Луиза, чувствуя, как адреналин ударяет в виски. Она огляделась — никого. Быстрым движением расстегнула молнию кармана... и замерла. Ключи были на месте — холодные, тяжёлые, с тем самым брелоком-буквой. Один рывок — и они в её ладони.

Луиза спрятала добычу в карман, застегнула куртку и выдохнула. Получилось. Теперь оставалось только решить, что с ними делать. План уже начал складываться в голове — дерзкий, почти безумный, но от этого ещё более притягательный.

Выйдя в коридор, Луиза ускорила шаг, свернула за угол и только тогда позволила себе победную улыбку. «Получилось!» — подумала она, сжимая в ладони холодный металл ключей.

Не теряя времени, Луиза почти бегом спустилась по лестнице и выскользнула из университета. Придётся пропустить четвёртую пару, но это того стоило. Уже на улице, у самых ворот, она достала телефон и быстро набрала сообщение Оле:

«Прогуляю, не ищите. Буду к пятой».

Оглянувшись на здание университета, Луиза глубоко вздохнула. Шпильки звонко стучали по асфальту, а в груди разливалась горячая волна триумфа.

Она уверенно села за руль чёрного внедорожника Логунова. Луиза на мгновение замерла, впитывая ощущения: запах

кожи, удобные сиденья, массивный руль под пальцами. Она обожала водить — этот момент, когда ты берёшь контроль над мощной машиной, чувствуешь её отклик, становишься с ней единым целым. Осторожно проведя ладонью по приборной панели, Луиза вставила ключ в замок зажигания. Луиза на секунду задумалась: правильно ли она поступает? Но тут же отбросила сомнения. Он годами унижал её, а она молчала. Теперь — её очередь.

Пальцы чуть дрожали, когда она повернула ключ в замке. А если он сейчас выйдет из здания и увидит её? А если машина не заведётся? Но двигатель послушно заурчал — ровно, мощно, уверенно, и страх отступил, сменившись азартом. Звук отозвался вибрацией в груди, заставляя сердце биться чаще. Она проверила зеркала, плавно нажала на педаль газа и выехала со стоянки.

Глава 16

Надев чёрные очки и повязав на голову лёгкий шёлковый платок, она уверенно вела внедорожник по городу, нарочно выбирая маршруты с камерами фиксации нарушений.

Касание руля, отклик педалей, плавное ускорение — всё это дарило ни с чем не сравнимое ощущение свободы.

Луиза уже успела пересечь сплошную, проехать по автобусной полосе и припарковаться в неполюженном месте — и каждый раз замечала мигающий огонёк камеры.

ДПС её не пугали — она знала, что может откупиться. *«У коррупции, как у войны, свои законы. И сегодня они играют на моей стороне!»* — мысленно усмехнулась она.

«Ещё пара таких манёвров — и Логунов получит солидный счёт», — с удовлетворением подумала Луиза, сворачивая на проспект. «Пусть доказывает, что в момент нарушения машиной управлял кто-то иной», — добавила она про себя, и губы её дрогнули в едва заметной, но очень довольной улыбке.

Но не успела она отъехать от последней камеры и километра, как сзади вспыхнули проблесковые маячки, а громкоговоритель властно приказал:

— Водитель чёрного внедорожника, номер 777, прижмитесь к обочине!

Сердце на мгновение ёкнуло — но паника длилась лишь долю секунды. Луиза тут же взяла себя в руки. Ладони чуть вспотели, но она лишь крепче сжала руль, выровняла дыхание и плавно, без резких движений, начала снижать скорость.

«Спокойно, — мысленно приказала она себе. — Ты не впервые в такой ситуации. Всё под контролем».

Плавно остановив машину, Луиза глубоко вздохнула, поправила шёлковый платок и надела самую очаровательную улыбку — ту самую, от которой обычно таяли даже самые суровые преподаватели. Она бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида: двое инспекторов уже шли к ней.

Луиза уже успела открыть дверь и поставить ногу на асфальт, когда младший инспектор невольно задержал взгляд на её жёлтом платье и шпильках. Его взгляд скользнул по изящной туфельке на высоком каблуке, затем поднялся к лицу Луизы — в глазах читалось искреннее недоумение.

— Добрый день, — строго начал старший инспектор. — Вы превысили скорость на 25 км/ч под камерой на пересечении Ленина и Гагарина. Только что зафиксировали нарушение.

— О, прошу прощения, товарищ инспектор! — Луиза улыбнулась, чуть наклонив голову так, что платок слегка сполз, открыв шею. — Я просто... не заметила знака. Понимаете, я очень спешила — у меня сестра в больнице, ей должны были сделать операцию, я звонила врачу, волновалась... И не увидела ограничение.

Она говорила быстро, но без суеты, чётко подбирая слова. В голосе звучала лёгкая дрожь — не паника, а искренняя тревога.

Старший инспектор слегка смягчился, но всё ещё был насторожен:

— Сестра в больнице?

— Я... я растерялась, — Луиза опустила глаза, потом подняла их снова — теперь в них блестели настоящие слёзы. — Это моя младшая сестра, ей всего 12. У неё паническая атака с обмороком и тахикардией — она думает, что умирает.

Младший инспектор переглянулся со старшим и едва за-

метно кивнул, как будто говоря: «Может, и правда экстренная ситуация?»»

— Документы, пожалуйста, — уже мягче произнёс старший инспектор.

— Это машина моего жениха, — Луиза вздохнула и протянула свои права. — Он уехал, оставив ключи. А сегодня утром звонок — сестра в больнице. Я не стала его будить, просто взяла машину.

Она чуть склонила голову, демонстрируя искреннее раскаяние:

— Понимаю, что это не оправдание. Я готова понести наказание, но... может, вы дадите мне шанс? Я отвезу сестру в больницу, а потом сразу вернусь и оплачу штраф. Честное слово.

Старший инспектор помолчал, постучал ручкой по блокноту. Младший инспектор кашлянул и тихо сказал:

— Товарищ капитан, может, в этот раз... ну, предупреждение? Видите, девушка расстроена.

Луиза уловила момент. Она достала из кошелька шесть красных купюр. Чуть наклонившись, она тихо, почти шёпотом, сказала:

— Вы такие понимающие... — и ловко, но ненавязчиво сунула деньги в карман его формы. — Пусть это будет благодарностью за ваше доброе сердце.

На секунду ей показалось, что старший инспектор сейчас оттолкнёт её руку и выпишет штраф по всей строгости. Но

он лишь вздохнул:

— Ладно, — произнёс он. — В первый и последний раз. Предупреждение. Но чтобы больше без документов на чужую машину — ни шагу. И соблюдайте правила.

— Конечно, товарищ инспектор! — Луиза просияла. — Огромное спасибо! Я всё поняла, больше никаких глупостей.

Младший инспектор слегка покраснел, хотел что-то сказать, но Луиза уже завела двигатель и плавно тронулась с места.

Выезжая на дорогу, Луиза бросила взгляд в зеркало заднего вида — инспекторы всё ещё стояли у обочины. Ветер подхватил концы шёлкового платка, развевая их за спиной, как флаг победы. В груди разливалась знакомая волна триумфа. Руки уверенно лежали на руле, пальцы легко скользили по коже обивки, а в голове уже крутились планы на остаток дня. «Теперь главное — вернуть машину на место, пока Логунов ничего не заметил», — подумала она, бросая взгляд на часы. До пятой пары оставалось чуть меньше получаса.

К пятой паре Луиза успела вернуться к университету. Она плавно свернула на привычную парковку, привычно прикидывая угол заезда — Логунов всегда ставил машину так, чтобы она стояла ровно параллельно бордюру, с одинаковым зазором с обеих сторон. Подъезжая к знакомому месту у главного входа — тому самому, где Логунов неизменно оставлял свой внедорожник, — Луиза вдруг замерла: место было за-

нято.

Какой-то мужчина в сером костюме уверенно припарковался там и теперь запирает двери своего старенького седана. Машина выглядела потрёпанной: на капоте виднелась вмятина, на заднем крыле — скол краски, а на лобовом стекле болтался выцветший талон техосмотра. Мужчина, коренастый, с залысинами и в очках с тонкой оправой, огляделся по сторонам, поправил галстук и направился к входу в университет.

Луиза медленно объехала место, припарковалась чуть дальше, выключила двигатель и на мгновение замерла, продумывая тактику. В голове быстро прокручивались варианты: можно просто припарковаться в другом месте, но тогда план будет неполным. Нет, нужно вернуть машину на прежнее место — так, чтобы Логунов ничего не заподозрил.

Она быстро оценила ситуацию. Мужчина — пассивный тип, явно неконфликтный. «Таким главное — не дать времени на раздумья».

Она вышла из внедорожника, поправила платье, встряхнула волосами, позволяя шёлковому платку слегка соскользнуть с плеча, и с самой очаровательной улыбкой направилась к мужчине. Тот как раз обернулся, заметив её приближение, и слегка напрягся.

— Извините, вы случайно не видели здесь табличку «Только для сотрудников администрации»? — произнесла она сладким голосом, чуть наклонив голову и глядя на него

снизу вверх. — Наш ректор очень строго следит за этим местом. Говорят, он лично проверяет камеры каждое утро...

Мужчина растерялся. Он оглянулся, будто надеясь увидеть какую-то вывеску, провёл рукой по залысине и пробормотал:

— Э-э... нет, но... я думал, это обычная парковка...

— Боюсь, вам лучше переставить машину, — Луиза понизила голос до доверительного шёпота, делая шаг ближе и чуть склоняясь к нему. — Иначе скоро тут будет эвакуатор. И штраф. Большой штраф. А у нас ректор очень принципиальный — он не делает исключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.